

ДАРЬЯ БЫКОВА

МЕСТЬ

АНИКИ ДЕС АБЛЕС

Жестокий и беспощадный Император Ашш-Ольгар лёгким росчерком пера разрушил жизнь Аники дес Аблес. В день пятнадцатилетия она потеряла всё. Семью. Род. Имя. Теперь у неё есть лишь жгучая ненависть и отчаянное желание мстить, пусть и ценой жизни, да и как иначе? Ведь враг — не только Император, но и могущественнейший маг. Вот только чем ближе она к нему, тем больше рождается вопросов и сомнений. И всё страшнее выплывающие на свет тайны. И всё дороже сам Ашш-Ольгар...

ПРОЛОГ

Что же это будет за история? — спросите вы. О, на это нет, и не бывает однозначного ответа, ведь всё зависит от того, кто же рассказчик. Один расскажет вам эту историю как повесть о вероломстве и коварстве. Другой — о слабости и трусости, и даже про предательство не преминет упомянуть. Найдутся и те, кто запоёт о хитрости и лжи... но я скажу вам правду. Чистую, ничем не приукрашенную правду. О том, как я предала и подвела свою семью, жила с мужчиной во грехе и пять лет мечтала этого мужчину убить.

А впрочем, если придерживаться хронологии, то всё было наоборот. Сначала я грезила тем, чтобы его убить.

ГЛАВА 1. Враг

Это был мой день рождения. Мой чёртов пятнадцатый день рождения... ставший навсегда Днём великой скорби для всей Семьи. Ибо именно в этот день Император Ашш в безграничной своей жестокости казнил моих братьев, объявив их предателями и идолопоклонниками.

А дом готовился к торжеству. К моему торжеству. Всё же пятнадцать — особенная дата, первый в жизни бал с танцами, выход во взрослую жизнь, семейные обряды... Тётя Эльза меня даже из монастырской школы специально отпросила раньше на пару недель, чтобы успеть подготовиться, на одно только платье вон сколько времени ушло! Но я в нём прелестна, поистине прелестна! У меня почти кошачьи зелёные глаза, и платье оттеняет их так, что они без преувеличения похожи на изумруды... могу ведь позволить себе быть нескромной хоть сегодня?

Налюбовавшись на себя в зеркале — ну красотка же, особенно после монастырской одежды — я, пританцовывая, отправилась к тётке — показаться и выпросить украшение какое-нибудь. У тётки их полно, и, может быть, сегодня она мне что-нибудь одолжит...

— Тё... — слова застыли у меня на губах и там же и умерли. Кабинет тётки Эльзы напоминал поле боя, я даже невольно поискала противника — может, какой вор, чудом пробравшийся мимо защитных заклинаний, и которому тётка дала отпор?.. Сначала парой ваз, затем вот стулом и папками с бумагами... но нет. Никого нет. Тётка одна, неподвижно стоит посреди кабинета, и лицо у неё такое... словно она прямо в ад смотрит, и нет никаких сил и никакой возможности отвернуться. В правой руке у тётки бумага, скомканная, но распрямляется, как только мне удаётся извлечь её из словно сведённой судорогой руки. Это приказ Императора, первый раз держу в руках такой документ... и, надеюсь, что последний.

Я вскрикиваю, вчитавшись, и приказ летит на пол, а я никак не могу оторвать взгляд и всё перечитываю в надежде на ошибку, ну должна же быть где-то ошибка, ведь иначе и быть не может, не может это быть правдой: «... повелеваю казнить и сжечь Полгарда дес Аблес, Диккейна дес Аблес, Киттера дес Аблес. Хоронить и оплакивать запрещаю».

Вот так вот коротко и страшно. Дик, Пол и Кит. Три двоюродных брата. Было. Теперь ни одного. И пусть я не была ни с кем из них близка, но это всё равно невероятно сильно сотрясает, даже переворачивает весь мой мир. А на тётю смотреть — вообще сердце разрывается: она бледная до синевы и разом постаревшая лет на двадцать. И как же мне вдруг стало стыдно! И за своё до отвращения праздничное платье, которое ещё несколько минут назад мне так нравилось, и за то, что не помню толком самих братьев, не приходит в голову про них вообще ничего, ни хорошего, ни плохого, за лёгкость и веселье, с которыми я вошла... Но более всего стыдилась я своего дня рождения, потому что из-за меня нынче вечером будет приём, и уже через пару часов придут гости, а отменить ничего нельзя, и сказаться больными тоже нельзя, ведь Император Ашш запретил оплакивать, а желающие донести найдутся всегда. Этот запрет оплакивать, пожалуй, говорит о жестоком Императоре куда больше, чем сама казнь. А значит, тётю ждёт ад сегодня вечером, и нет ничего удивительного, если она меня за это возненавидит...

— Прекрасное платье, Ани... иди, иди к себе, — прошептала тётя, кажется, только сейчас меня замечая, и я, вместо того, чтобы обнять её, как мне того хотелось, послушно отступила. Словно в тумане, как какой-нибудь поднятый некромантом мертвец, машинально выполнила команду — прошла в свою комнату и так и стояла там, совершенно не представляя, что делать, пока через полчаса не пришла служанка, чтобы уложить волосы к празднику.

Это ужасно несправедливо, — билось в моей голове всё время, пока я собиралась. — Не должно быть такого, чтобы один человек мог испоганить жизнь сотням, тысячам, а то и сотням тысяч людей. Каким бы великим волшебником он ни был. Да он вообще выскочка, наш прекраснейший Император, и все об этом знают, но уже лет пять как боятся говорить об этом вслух, а те, кто не боялись, уже давно мертвы, как и мои братья теперь... да, впрочем, как и большинство представителей девяти древнейших Семей королевства Альмар, пять лет назад ставшего одной из провинций Империи.

О биографии самого Императора было известно очень мало, по крайней мере, до того момента, как он возник на троне соседнего государства, женившись на принцессе и тут же её убив. Это я помнила ещё с тех времён, когда Альмар был свободной страной, теперь же учат совсем по-другому, сама вот не так давно, сдавая экзамен, рассказывала настоятельнице, старательно делающий вид, что она верит, новую версию. Что принцессу убили подосланные нашим прежним правительством шпионы, и только поэтому Император Ашш, а тогда ещё принц Ашш-Ольгар, напал.

Я складывала тогда честно заученные версии фактов в предложения, настоятельница кивала, а мне на самом-то деле было совершенно плевать на Его Величество Ашша, он существовал в тот момент в моём ещё полудетском мире примерно с той же степенью достоверности, что и бабайка, разве что Императора я боялась чуть больше. Что меня действительно волновало в тот момент — это всё, связанное с балом в честь моего пятнадцатилетия, а также как уговорить тётушку не отправлять меня сюда, в монастырь, ещё на год. Мне очень хотелось остаться в семейном доме в столице, ведь там, в городе, как раз и кипит та самая яркая и волнующая жизнь, которой я лишена в стенах монастыря... И вот.

Небеса знатно подшутили. Вот тебе, Аника, яркая жизнь, ярче и волнительнее просто некуда, разве что тебе самой кто нож к горлу приставит. Наслаждайся. Кушай полной ложкой и не смей зажмуриваться и отворачиваться — Император не велел.

В положенное время я была внизу. Нарядная, причёсанная, с намертво приклеенной улыбкой... кажется, у меня уже скулы сводит, что же будет в конце вечера? Тётя стояла рядом со мной, неестественно-прямая, напряжённая, вся — словно туго натянутая струна, которая вот-вот лопнет. Но тётя Эльза в отличие от струны держалась.

Интересно, они знают? Гости. Наверное, ещё нет, откуда же? Если всё произошло сегодня, и сама тётя узнала всего пару часов назад... И ей, наверное, меньше всего хочется быть здесь, но приходится, из-за меня приходится...

Вопреки здравому смыслу и приказу Императора — не оплакивать, лента в моих волосах была чёрной, и я не собиралась её вытаскивать, с подростковым максимализмом и отсутствием страха смерти. Что-то доказать самой себе казалось важнее. Я скорблю. И пусть подавится этот... Заготовленный эпитет — «выродок» — так и остался произнесённым даже мысленно, потому что по широченному коридору, который образовали хлынувшие в разные стороны люди, шёл Он. Собственной персоной. Хотя, может, и не собственной, ведь Император всегда носил маску, почти полностью закрывающую лицо. Удобно-то как для двойников! Интересно, появляется ли он лично хоть где-нибудь? Или всюду ходят двойники, прикрытые плотными масками, а сам злодей сидит в какой-нибудь неприступной башне, опасаясь вполне заслуженных покушений? Но разницы никакой — делаю низкий реверанс, слыша краем уха, как напряжённо выдыхает рядом тётя Эльза.

Фигура в маске, тёмно-синей, как и весь костюм, что создаёт завораживающий контраст с белыми волосами, останавливается в шаге от нас с тётей. Я до сих пор в реверансе, не могу видеть его лица, вижу лишь нижнюю часть тела, вижу, как неожиданно взметнулась рука, и на какую-то секунду пугаюсь, что это мне. Что мне надо будет сейчас дать руку и пойти с ним, но нет... руку подаёт тётя, и они куда-то идут в звенящей тишине, пока Император не делает жест, немного раздражённый — продолжать бал.

И вот теперь можно, наконец, выпрямиться. И даже сесть, наверное, тоже можно — никто из гостей больше не придёт, я уверена, нет идиотов соваться туда, где находится Он. Те, кому не повезло прийти раньше — останутся. И будут старательно создавать видимость веселья, хотя напряжение так и витает в воздухе. Боятся они его, все боятся. Он пришёл всего-то с парой телохранителей, численный перевес — никому и не снилось, а всё равно — даже и мысли ни у кого не возникнет взять и покончить с этим чудовищем раз и навсегда. Вот интересно, зачем он пришёл? Поглумиться? Лично убедиться, что мы не посмели отменить бал? Как-то мелочно это... Ох. А ведь мне придётся с ним танцевать, если он, конечно, снизойдёт. Лучше бы не снизошёл. Увы, но открывать танцевальную часть бала полагается имениннице и самому знатному гостю... пусть и незваному. О небо, ну пожалуйста! Пусть он уйдёт до того, как начнутся танцы! Или наплюёт на наши традиции, что-то, а это уж он умеет...

Небо, увы, осталось к моим молитвам полностью равнодушным. Музыканты, повинувшись заранее выданному расписанию, начали играть вальс, и вновь появившийся в зале Император направился ко мне. А где же тётя? Не мог же он и её убить? Хотя почему не мог? Может быть, он решил покончить сегодня со всей нашей семьей и теперь вот идёт ко мне именно за этим? И не уверена, что это пугает меня больше, чем гипотетический танец... И, о небо, что

за дурацкие мысли в моей голове!

— Потанцуйте со мной, — это не предложение, это приказ. Застыл в шаге и протягивает руку, как недавно тёте. Не откажешь. Никак. А ноги, как назло, начинают дрожать и подгибаться, всё же, как бы ни хорохорилась, боюсь я его. До жути боюсь. Даже если это один из двойников.

— Да, мой Император, — до отвращения перепуганным голосом выдала я, не поднимая глаз выше его груди. Говорят, он способен читать мысли, стоит только встретиться с ним взглядом, а в моих мыслях слишком много бессильной злобы, и нет ни капельки почтения. Так что глаза в пол. Умудрившись каким-то чудом подать ему руку так, что она не дрожала, я всё же отправилась танцевать. С Ним.

После меня все наперебой расспрашивали — как он танцует, что он сказал, как вообще... а я ничего не могла сказать. Не помнила. Потому что для меня это был не танец, это была какая-то мука смертная, я чуть не падала в обморок — до того мне было кошмарно, я постоянно наступала Его Императорскому Высочеству на ноги, хотя ранее со мной ничего такого не происходило, даже с неумелыми партнёрами, и, когда вальс, показавшийся мне длиннее, чем какая-нибудь опера, закончился, я чуть не расплакалась от облегчения. И какое счастье, что Он со мной не разговаривал!

— Это я заберу, — холодно обронил мой венценосный партнёр, сопроводив меня обратно к креслу. Я не сразу поняла, о чём это он, но тут чёрная лента из моих волос змеёй скользнула ему в руки, заставив сердце в очередной раз сжаться от приступа страха — когда что-то оживает в твоих волосах, это сильно пугает, поверьте. — С Днём рождения, юная леди. Растите более умной и дальновидной, чем Ваша тётя!

И ушёл. Спасибо-спасибо-спасибо за это, о доброе небо! Тётю я нашла в одной из малых гостиных, но она тут же выгнала меня обратно к гостям, не пожелав разговаривать. Выглядела она расстроенной, но словно бы на что-то решившейся, а расспрашивать я не стала — не посмела послушаться.

Остаток вечера прошёл, как ни странно, куда лучше, чем можно было бы ожидать. И, как бы ни было мне стыдно это признавать, я очень скоро забыла о горе, свалившемся на нашу Семью, я даже танцевала ещё, я смеялась над шутками молодых кавалеров, я получала подарки и благодарила за них... и только в конце вечера, когда гости стали расходиться, меня пронзило стыдом, словно молнией. Какое же я чудовище! Жестокосердная эгоистка! Погоревала два часа, нацепила чёрную ленту в волосы, которую уже давно забрал Император, и думаешь, что выполнила свой долг перед Семьёй?!

Впрочем, долг перед Семьёй нашёл меня сам. И оказался куда тяжелее и жёстче, чем я готова была принять, но разве у меня был выбор? Хотя, наверное, был, но тогда я его не видела. Более того, это показалось мне заслуженным искуплением и послушанием...

Вниз, в Сердце дома, где проводились все Семейные обряды, я шла в смешанных чувствах. Мне было и стыдно, и радостно-волнительно, ведь как ни крути, но жизнь идёт, и сегодня я официально стану взрослой, получу доступ к силе Семьи, узнаю, наконец, какой у меня Дар, и, может, я ещё придумаю, как поквитаться с Ним.

Тётя ждала меня уже там, я покорно встала в центр пентаграммы, ожидая услышать своё взрослое имя, уже почти предвкушая ощущение силы — я много раз читала в романах, как это происходит...

— Прости, — тихонько обронила тётя Эльза, почему-то не торопясь начинать ритуал. —

У меня нет выбора. И у тебя его тоже нет. Это Он... Он не оставил нам выбора!

— Что... — я хотела спросить «что такое?», но не успела.

— Я изгоняю тебя из Семьи! — уже громко произнесла, почти крикнула она, и я почувствовала боль во всём теле, словно бы из меня что-то вытягивали. Тётя плеснула своей крови на рисунок на полу, и он засветился багрово-красным, а она начала обходить меня по часовой стрелке. Медленно и жутко. — Я лишаю тебя Дара, — нараспев говорила тётя Эльза. — Лишаю защиты крови, лишаю Дома. Отныне ты никто, у тебя нет имени, нет Рода и нет Семьи!

Мне казалось, что меня заваливает этими словами словно камнями, и вот уже даже вдох невозможно сделать, настолько сдавило грудь неподъёмной тяжестью, и всё вокруг начинает плыть и кружиться, а в глазах темнеет. И сил стоять больше нет, и выползти из пентаграммы, и возразить тёте, и просто даже что-то сказать — ни на что нет.

Не так, совсем не так я представляла себе этот день. И уж конечно не думала, что он станет последним, проведённым под крышей семейного дома.

А когда всё закончилось, я лежала обессиленная на холодном каменном полу, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, тётя Эльза опустилась на пол рядом со мной и погладила меня по голове.

— Прости, — сказала она снова. — Мне жаль, что пришлось это сделать. Но это единственный шанс тебя спасти. И дать тебе шанс отомстить. Ты же понимаешь, что это Его и только Его вина?

Я понимала. Да. Это Император сломал мне жизнь. Он испортил моё пятнадцатилетие. Он лишил меня семьи. И Он за это заплатит. Не знаю пока как, не так уж много шансов у безродной девчонки добраться до самого Повелителя, но я что-нибудь придумаю. Обязательно. Потому что иначе мне совершенно незачем жить.

Так у меня появился Враг, занявший в моём сердце и моих мыслях практически всё пространство. Иные любят менее страстно, чем я его ненавидела. Я жила ради него. Ради момента встречи с ним, ради мгновения, когда я смогу его убить.

ГЛАВА 2. Начало пути

Дом я покинула этой же ночью, не взяв с собой ничего, что могло бы хоть как-то указать на мою связь с Семьёй. Переделалась в мужскую одежду, одежду слуги, волосы остригла, и их было ни капельки не жалко, стоило лишь вспомнить, как Он забрал ленту. Я окажу услугу человечеству, избавив мир от этого чудовища, вот только как бы это сделать, чтобы точно и с гарантией?.. Он ведь очень могущественный волшебник, как говорят, а у меня теперь нет... и уже никогда не будет ни капли силы. Из-за него.

Тётя даже не захотела знать, куда я отправлюсь, и это меня, конечно же, задело. Но она всё объяснила — чтобы если её будут допрашивать, она бы не выдала меня. И моя детская обида тут же сменилась раскаянием и новой волной ненависти к Нему. Спросить тётю, что именно сказал ей Император, почему ей пришлось сделать именно это и именно так, мне и в голову не пришло, а если бы и пришло, то язык бы не повернулся — у неё такое горе, а она думает всё равно о моём спасении!

А вообще-то, даже и спроси меня тётя Эльза, куда я направлюсь, мне было бы нечего ей сказать. Я не знала куда идти, и остаток ночи провела в единственной закуской в этом

городе, работающей круглосуточно. Просто оставаться на улице мне было страшно. Мужская одежда вовсе не сделала из меня мальчика, даже и с остриженными волосами я смотрелась женщиной. Молодой и слабой.

Наверное, стоило пойти в храм, но женщинам в мужской одежде вход туда заказан... Да и что дальше-то? Монастырской жизни мне и так хватило на много лет вперёд, и не поможет это никак достичь моей цели, о которой не только вслух говорить нельзя, о ней и думать не рекомендуется.

Решение нашло меня само. Я клевала носом над мерзким и давно остывшим, отчего его вкус сделался ещё гаже, кофе, когда на площади за окном появились глашатаи.

— Военное училище, — отвратительно бодро декларировали они, — шанс сделать блестящую карьеру для тех, у кого нет за спиной богатого Рода или влиятельной Семьи! Лучшие выпускники попадают в личную гвардию Императора! Бесплатное обучение и полное довольствие!

Вот оно, — поняла я. Идеальный путь для меня. Я стану лучшей, чего бы это мне ни стоило, попаду во дворец и прикончу чудовище. Может быть, не сразу. Может, даже не в первый год. Но я найду подходящее время, улучу тот самый момент, когда шансы на успех будут максимальны. Я научусь ждать, обманывать и лебезить. Я всем, я и телом своим, и честью готова пожертвовать, чтобы подобраться к нему в качестве любовницы, если иначе никак, ведь остаться в живых у меня всё равно нет никаких шансов, даже если покушение удастся. О неудачном даже упоминать не буду... Хотя что-то я забежала далеко вперёд. Для начала надо просто поступить и стать лучшей.

И я отправилась в училище, благо оно недалеко — город я знаю очень плохо, ведь бываю тут раз в год и недолго... Впрочем, правильнее, наверное, сказать «бывала», потому что теперь, если всё получится, я буду здесь жить. Поближе к Нему, смыслу всей моей неудавшейся жизни. Только-только начинающейся и уже очевидно неудавшейся.

Мой прекрасный план — а пока я шла до училища, мысленно уже успела его закончить и попасть во дворец — споткнулся на первом же шаге.

— Нет, — сказал мне полностью седой и, казалось бы, добродушный мужчина. Железно так сказал. — Не возьму!

— Почему? — спросила я, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Обычно я вовсе не такая плакса, но события последних суток заставили меня ощутить себя крайне незащитной, уязвимой и одинокой, я ещё не нашла равновесие после случившегося, и теперь каждая мелочь легко выбивала меня из колеи.

— Во-первых, потому что ты сейчас заревёшь, — добродушно-насмешливо пояснил он, и я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони — не плакать, не смей, Аника дес Аблес, плакать! Ты урождённая дес Аблес, и хотя бы этого у тебя не отнять, а значит веди себя достойно! — Во-вторых, ты через неделю... максимум через неделю сбежишь, — закончил он и равнодушно отвернулся, уставившись в окно.

За окном щебетали птицы, занимался прекрасный ясный день. Это утро я должна была встретить, уже получив своё взрослое имя, пересматривая подарки и ощущая в себе упругий комок семейной силы, а вовсе не так, в обшарпанной приёмной военного училища моего Врага, под скучающе-ленивым взглядом этого старика...

— Не заплачу. Не сбегу, — коротко и по-военному отрывисто отрапортовала я.

Он вздохнул и медленно, словно бы неохотно перевёл взгляд на меня.

— На тебе практически во-о-от такими буквами написано, что ты неженка и богачка, — снисходительно осмотрел меня с ног до головы, одной рукой барабанил по столу, другой подкручивая усы. — Чего сбежала-то? — спросил неожиданно участливо. — Жених, чай, не приглянулся? Ну так через неделю жизни тут он тебе красавцем и вообще лучшим мужчиной на земле покажется, лишь бы отсюда свинтить... Так что нет. Сэкономь мне время, а себе нервы — вернись к маме с папой прямо сейчас.

— Мне некуда возвращаться, — глухо отозвалась я. — У меня нет семьи, у меня никого нет! Так что я не сбегаю, клянусь. Ни через неделю, ни через месяц, ни через год.

— Ох, девонька, — печально вздохнул седой, — не знаешь ты во что ввязываешься, ох, не знаешь...

— Я упорная. И мне очень надо! — прошептала я, стараясь смотреть прямо перед собой и не моргать — чтобы проклятые слёзы не сорвались вниз и всё не испортили.

— Упорная она, — буркнул он. — Все вы упорные... до первой полосы препятствий или до первого тренировочного боя упорные. А потом сразу «я ошиблась!», «я передумала!», «у меня долг перед семьёй!» — последнюю фразу он произнёс, явно копируя чью-то капризно-жалобную интонацию.

Я упрямо молчала. Кажется, даже подбородок невольно выпятила вперёд. Настоятельница меня за такое выражение лица всегда ругала, но здесь оно, кажется, наоборот пришлось кстати.

— Ну ладно, ладно... вот, заполняй... — протянул мне бумагу, но при этом продолжил ворчать. — Такое упорство, да в нужное бы русло... вот чего вы, девки, в военном училище позабывали? Не женское это дело-то...

Вообще-то, я была с ним согласна. Совершенно не женское. И душа у меня к этому не лежит. Вернее, не лежала до вчерашнего дня. Вчера мне ещё хотелось порхать, щебетать и собирать комплименты и цветы. А сегодня меня почти трясло от жаркой ненависти, и она требовала выхода. Пусть нельзя пока убить причину моих бед, но хотя бы кого-нибудь ударить, или куда-нибудь бежать, или ещё что-нибудь делать, вкладывая чёрный огонь злобы в какое-нибудь физическое действие. Иначе он сожжёт меня изнутри куда раньше, чем я доберусь до Него. Так что полоса препятствий и тренировки — то, что надо.

Я присела на подоконник, такой же обшарпанный как и всё здесь, и уныло заполняла бесчисленные пункты. Родители — нет, родственники — нет, приговорённых родственников — нет и не было... Несколько вопросов поставили меня в тупик, и хорошо, что этот седой и ворчливый старик не следил за тем, как я заполняю, потому что нормальная девушка не будет зависать на несколько минут над вопросом «место жительства в течение последних трёх лет». А я задумалась, и сильно. Монастырскую школу указывать тоже нельзя, туда берут только богатых и родовитых, так что вычислить меня будет плёвым делом. В конце концов, я указала название одной из деревень на другом конце страны, надеюсь, сейчас проверять они не будут, а ближе к выпуску я позабочусь о том, чтобы мою легенду подтвердили.

Наконец, справившись с коварными и не очень пунктами, протянула бумагу старику и получила взамен бирку.

— Добро пожаловать в Императорское военное училище, — вздохнул он и так покачал головой, что я поняла — не верит в меня, не одобряет и даже немного жалеет.

Но я не нуждаюсь в жалости. Я нуждаюсь только в мести. И только что сделала к ней первый шаг. Теперь надо стать лучшей и попасть во дворец. Я справлюсь, тётя. Я отомщу за тебя и за себя, и, конечно, за братьев. За всю нашу Семью, за нашу страну, за сотни тысяч

людей, чьи жизни искорежило это жестокое чудовище!

Об училище и годах, проведённых там, рассказывать, в общем-то, нечего. Однообразные, монотонные, выматывающие будни. Первый год было особенно тяжело — я и в самом деле была слаба и изнежена, у меня сбивалось дыхание уже на третьей минуте бега, а уж о том, чтобы подтянуться, не стоило даже и мечтать. И я бы наверняка отступила, ведь принимавший меня старикан был абсолютно прав — иди речь действительно о нелюбимом женихе, я бы полюбила его уже на третий день, когда все мышцы ныли так, что я даже чихнуть без стога не могла. Но отступать и уходить мне было некуда, а потом как-то всё притерпелось и кое-что даже понравилось.

Друзей у меня не было, и первый год это меня очень мучило и расстраивало, сама себе до конца не отдавая в этом отчёта, я мечтала о каком-нибудь могущественном друге, который взял бы меня под опеку и решил все мои проблемы. И это чуть не сыграло со мной дурную шутку — я едва не ввязалась в отношения со старшекурсником, остановило меня только то, что моя репутация должна быть безупречна, а ранние и внебрачные связи в таком случае совершенно лишние. А уже потом я узнала, что он к тому времени успел переспать со всеми девушками нашего училища — благо было их крайне немного, и я была ему нужна «для галочки», закончить список. Конечно же, никаких моих проблем он бы решать не стал... Потом я как-то свыклась с мыслью, что доброй феи и даже просто доброй тётки в моей жизни никогда больше не будет, все свои проблемы я должна решать сама, и потребность немедленно с кем-то подружиться сильно поутихла. Особенно после того, как я осознала, что, возможно, кого-то из моих сокурсников мне придётся убить, добираясь до своей цели.

За всё время моего обучения Император Ашш посещал своё военное училище всего три раза, и каждый врезался мне в память в мельчайших деталях. Первый визит случился буквально через два месяца после моего поступления, и я, в величайшей гордыне и огромной трусости, решила, что он пришёл за мной. Сам. Лично. Соответственно, перепугалась невероятно, ибо ни о каком нападении, тем более успешном, речи идти пока не могло — я ещё только-только, еле-еле осваивала полосу препятствий.

Но Он прошёл мимо, совершенно меня не заметив, и потом тоже ничего не произошло, меня не вызвали к директору, не взяли под стражу, не попытались убить... ничего. И пришлось признать — он не узнал меня. Он совершенно меня не запомнил, у него даже никаких ассоциаций не мелькнуло, и это на самом-то деле прекрасно, хоть и бьёт немного по остаткам моей самооценки — я ведь красивая! Как можно было меня сейчас не заметить и вообще так быстро забыть?

После этого Император надолго отправился в очередной военный поход, победоносный, как и все его походы, но я всё равно волновалась — как мне дальше жить, если его убьют? Я хочу убить его сама. Вот этими руками. Всадить отравленный — обязательно отравленный, и самым сильным ядом! — клинок в его сердце и, глядя в тускнеющие и угасающие серебряные глаза, сорвать эту его вечную маску, гордо объявляя, за что именно мщу. Мне даже снилось иногда, что я его убиваю, но никогда эти сны не приносили радости и облегчения, ведь там всегда было что-то не так. Я убиваю не Императора, а его двойника, а сам Ашш стоит и смеётся, и говорит, что теперь тётке моей конец... или же я не успеваю снять маску и увидеть его лицо, а мне это почему-то важно, но тело исчезает раньше, чем у меня это получается. Пару раз мне снилось, что всё наоборот, и это он меня убивает, и эти сны, как ни странно, оставляли самое светлое послевкусие.

Второй визит Императора случился в конце моего второго курса. Мне было уже почти семнадцать, я неплохо бегала и стреляла, сносно дралась, и мне стоило большого труда не пожирать своего врага глазами, примериваясь к его шее или к его сердцу. Рано, слишком рано. Да будь я даже величайшим стрелком в мире, всё равно покушение здесь и сейчас было бы обречено на провал. Уверена, на нём столько магических защит, даже если это двойник, что начни хоть мы все стрелять, ничего ему не будет. Только рассмеётся, а потом как жажнет каким-нибудь своим адским заклинанием, превращая училище в обгоревший пустырь... Четыре раза я оказывалась близко к Нему. И каждый раз, когда он проходил мимо, совершенно меня не заметив, испытывала смешанные чувства — облегчение и почему-то разочарование. Наверное, я в чём-то чокнутая, и наклонности у меня слегка самоубийственные — кто ещё захочет попасть под тяжёлый взгляд этих серебряных глаз.

А в третий свой приезд Император Ашш-Ольгар меня заметил.

Это был уже самый конец моего обучения, смотр, после которого нас ожидало распределение, и на этот самый смотр должен был приехать кто-то, отвечающий за охрану Его Императорского Величества. Так что я старалась. И на полосе препятствий, и в ближнем бою, наплевав на негромкую, но отчаянную просьбу противника хоть немного поддаться. Впрочем, как ни старайся, но один бой из трёх я всё-таки проиграла — противник пошёл на подлый приём, но, честно говоря, я его не осуждаю. Сама бы так сделала, представься возможность. Не то чтобы цель оправдывала совсем уж любые средства, но маленькая подлость, которая, возможно, и не подлость вовсе, а жизнь человеку спасёт — на одной чаше весов, и жизнь настоящего чудовища — на другой. Тут, по-моему, расклад очевиден.

Я стояла, размазывая кровь из рассечённой щеки — неудачно упала, и слушала, как моему находчивому противнику присуждают победу. И когда прозвучал вопрос, не сразу даже поняла, что это мне. И кто его задал, я тоже поняла с непозволительным опозданием.

— Не будешь опротестовывать? — вроде бы негромко спросил какой-то мужчина, но все разом замолчали.

— Нет, — хмуро ответила я, обводя взглядом трибуны и пытаюсь понять, кто именно со мной говорит.

— Почему? — спросил мужчина с белоснежными волосами и в синей маске, и я запоздало заметила, что мой недавний противник давно уже преклонил колени, и сама тоже поспешила опуститься на песок. И, главное, взгляд опустить.

— Всё было честно, мой Император.

— Честно? — насмешливо переспросил он.

— Как в жизни, — пояснила я, упрямо стискивая зубы. Потом опомнилась и торопливо добавила, — мой Господин.

— Повтори, — вкрадчиво предложил он, и я осознала, что снова облажалась. Не господин! Император! Господин он для своих личных и доверенных слуг, для меня Император. Вот что же со мной такое?! От волнения несую какую-то чушь, надо срочно исправляться, пока окончательно не опозорилась.

— Как в жизни, мой Император, — виновато повторила я. Но его это почему-то не устроило.

— Нет, — жёстко сказал он.

— Мой Господин, — неуверенно повторила я.

— Да, — сказал он. — А мне, пожалуй, нравится, как это у тебя звучит...

Он так это сказал, что ни у кого не осталось, наверное, никаких сомнений, что сегодня

же я окажусь во дворце. Вот только не в карауле, а в спальне Императора, и уже там буду выдавать ему это вот «мой Господин» на разные голоса... ну или в разных позах. Вероятно, я должна была покраснеть. Может быть, он ждал именно этого. Но я не отреагировала никак. Во-первых, за последние годы обучения я наслушалась такой похабщины от некоторых особо озабоченных, что скажи он мне про спальню прямым текстом, это и всё равно был бы детский лепет. А во-вторых... во-вторых, я давно готова и на это, только вот не думала, что и в самом деле он положит на меня глаз.

— Хочешь во дворец? — тем временем спросил он, и я ответила честно, что да, хочу, и тут же замаялась, не понимая, как его называть. Всё-таки господином или — пошутили и хватит — называть теперь снова Императором? Тяжела, оказывается, придворная жизнь. Я вон ещё даже во дворец не попала, а уже растеряна. Но молчать вечно нельзя, и я всё же рискую и добавляю:

— Мой Господин.

А он молчит. И я совершенно не понимаю — рассержено молчит, задумчиво, или попросту потерял ко мне интерес, ведь глаза поднять слишком страшно. Вдруг это никакой не двойник, вдруг это он сам, мой Враг и величайший волшебник, читающий мысли лишь встретившись взглядом...

— Убей его, и ты во дворце, — предложил Император, и, ещё не зная, на кого он показывает, я испытала искушение согласиться. Но взгляд всё-таки подняла. Его Императорское Высочество показывал на моего противника, и одновременно, видимо, сковывал его заклятием, потому что бедный Ласс смотрел с ужасом и отчаянием, но при этом совершенно не шевелился.

Я опустила взгляд на меч. Что это? Проверка? Точно проверка. Вот только я что-то не понимаю, как правильно её пройти. Хотя это и неважно, потому что выбора у меня нет. Одно дело — маленькая, не очень благородная хитрость, и совершенно другое — убить обездвиженного, ни в чём не повинного человека на потеху этому чудовищу.

— Ну? — поторопило меня чудовище.

— Простите, мой Император, — отозвалась я, снова буравя взглядом песок и выделяя тоном обращение. Не господин. Император. Как и для всех, как и полагается. Хороший был шанс, но не срослось, так не срослось.

Судя по тому, что объявили следующий бой, Император Ашш мгновенно потерял ко мне всякий интерес. Вот так и не делаются карьеры... и хотя нет у меня сомнений, что поступила правильно, но никак не получается отделаться от мысли — а может, надо было согласиться? Ну не стал бы он доводить и в самом деле до убийства... А так я не выполнила приказ Императора, и, кажется, профукала прекрасный шанс попасть во дворец. Вот как теперь? Служанкой наниматься во дворец? Или горничной к его любовнице? Но тут не угадаешь — он их меняет постоянно, не успеешь устроиться, как он уже с другой...

Ласс что-то сбивчиво говорил, сидя рядом со мной на трибуне, кажется, извинялся за наш бой, благодарил за то, что я не стала нападать, даже вроде бы что-то предлагал — угостить меня ужином, а то и завтраком, нет-нет, это всё без намёков, просто дадут же увольнительную, первую за несколько месяцев... я не вслушивалась. Смотрела на бои своих сокурсников, но не видела их. Перед глазами стояла фигура с белыми волосами, и мне казалось, что я чувствую его взгляд на себе. И во взгляде этом холодное любопытство, от которого становится дико и страшно, но, наверное, я просто себе это придумала. С чего бы Ему на меня смотреть? Конечно, придумала. Не может он на меня смотреть, физически не

может, я сижу там, где ему меня не увидеть, разве что он встанет, пройдёт в другую часть ложи и вообще отвернётся от боёв... И нечистый меня дёрнул посмотреть-таки на ту самую ложу. И встретиться взглядом с серебряным льдом.

— Беру, — сказал Император, и я, что самое ужасное, его услышала, вопреки всем законам природы. Правду говорят, видать — колдует как дышит.

ГЛАВА 3. Дворец

Император про меня забыл. Напрочь. И я никак не могла понять, как к этому относиться. Хорошо ли это или всё-таки плохо? Сначала всё шло логично.

Тогда же в день смотра, вечером, я получила бумаги об официальном назначении в дворцовую стражу. Явиться через две недели с вещами к такому-то, во столько-то, должностная инструкция и контракт прилагаются. Мне завидовали. Кто-то явно в этом признавался и даже находил в себе силы меня поздравить, но таких было немного, большинство же плевалось и шипело, наперебой уверяя друг друга, что я вылечу из дворца уже через пару недель, если не раньше, даже пари хотели заключить, вот только не с кем было. На моей стороне не было никого — всё правильно, друзей ведь я старательно не заводила. А впрочем, нет. Кое-кто был, абсолютно для меня неожиданно — Ласс, но он не заключал пари, он просто подрался с одним из запевал. И я бы даже поверила, что из-за меня и умилилась, если бы они и так по любому поводу не мутузили друг друга каждую неделю.

Ещё мне предрекали головокружительную карьеру — от подстилки Императора до подстилки младшего лакея. Я даже плевать в их сторону не стала, хотя, может, и стоило бы. Но, конечно, мне было неприятно. И это ведь не самые злые люди, я давно их знаю, и мы хоть и не близки друг другу, но наблюдая, как кто-то преодолевает трудности и проходит испытания в течение нескольких лет, узнаёшь его характер очень хорошо. И я знала про них. Они нормальные. Как все. Просто немного — пока ещё немного — вина, много гонора и мало мозгов. Да, я злая. Тоже как все. А может и злее.

Одна неделя ушла на экзамены и всякие прочие формальности. Помимо физической и боевой подготовки, нас учили ещё распознавать яды, некоторые заклинания, а также сопротивляться гипнозу, более менее прилично говорить на языках соседних государств и также их традициям. Ах, да. И оказывать первую медицинскую помощь — этот предмет я не любила больше всего, что неудивительно: львиная доля скабрёзных шуточек и намёков летела в мою сторону именно тогда, когда я делала тренировочную перевязку кому-нибудь из сокурсников. Бои с этими же сокурсниками нравились мне куда больше. Но теперь, к счастью, всё позади, а впереди... месть. И, наверное, смерть. Смешно предполагать, что я выживу. Но я, конечно, попытаюсь.

Вторая неделя была свободной, наверное, самая свободная неделя в моей жизни, не знаю даже за сколько лет, и я не представляла, чем себя занять. И позволила себе слабость. Пройти — впервые за почти пять лет! — по такой знакомой улице и замереть на другой её стороне напротив дома. Меня часто тянуло сюда, и почти невыносимо сильно — каждую увольнительную, что, впрочем, случалось довольно редко, иначе бы я, наверное, сорвалась и пришла раньше. Это, вероятно, странно, что я, прожив все эти годы в том же самом городе, ничего не знала о тёте. Нет, я пыталась, но тайком и с опаской, да и даже если бы и не боялась навредить — как я могла узнать? Заявиться к кому-то из общих знакомых и спросить, как у тёти дела? Написать письмо с указанием обратного адреса, хотя тётя и

говорила, что не должна знать, где я? Подкупить слуг в надежде, что они, прожившие со мной много лет в одном доме и наблюдавшие моё взросление, меня не узнают?

Я следила за газетами, но в них про нашу Семью не писали ничего. И это могло означать как и то, что всё хорошо, так и то, что всё плохо, но Император Ашш запретил оплакивать, как он любит делать. Я даже не знала, что тётя сказала про меня. Что я погибла? Упала с лестницы и свернула себе шею? Перерезала вены из-за братьев? Сбежала с женихом? Что? И как там сама тётя? Семью дес Аблес словно бы выкашивает какой-то неведомый рок. Моих родителей унесла какая-то неизвестная болезнь почти сразу после моего рождения. Дядя пропал, когда мне было пять, и я уже ничего не помню, даже и самого дядю практически забыла, потому что тётя не любила об этом говорить. Наверное, слишком больно. Но она нашла в себе силы как-то жить дальше, вырастить детей, своих и меня, и вдруг такое вот... Императору что-то вменялось, и р-раз — казнить, сжечь и забыть. Каждый раз, когда я думала о том, каково пришлось тёте, у меня наворачивались слёзы, и одновременно темнело в глазах от злости и ненависти. Я найду твоё слабое место, Император Ашш-Ольгар, и заставлю тебя страдать. А потом убью. Ну, или просто убью.

Только когда начало темнеть, я вдруг спохватилась, что уже несколько часов стою и смотрю на дом, как заколдованная. Меня уже давно могли заметить все, кому не лень. Странно ещё, что не вышел кто-нибудь из охраны и не стал разбираться, а какого чёрта мне тут надо. Похоже, нельзя мне сюда приходить — казалось бы, за прошедшие годы я прекрасно научилась справляться с собой, держать эмоции под контролем и действовать исключительно расчётливо и хладнокровно... ан нет. Стоило оказаться рядом с домом и всё, весь мой якобы железный контроль смело лавиной воспоминаний. И ладно бы дом, с ним в следующий раз будет уже легче, но вдруг я увижу тётю во дворце? Вряд ли, но вдруг?

Ночь я почти не спала, но к утру всё же, кажется, взяла себя в руки и даже более менее обдумала план. Забегая вперёд, скажу, что он мне не пригодился. Ибо я была настолько самонадеянна, что всерьёз предполагала повышенное внимание Императора, и план мой сводился к тому, чтобы как можно дольше избегать его постели, при этом вроде бы и не отказывая. Потому что любовниц он меняет довольно быстро, а мне надо ещё как-то сориентироваться и подготовиться, чтобы всё прошло удачно. Если бы Его было так просто убить, давно бы уже убили и без меня, я это прекрасно понимаю. Так что поддерживать интерес, но не даваться.

Ха! Поддерживать оказалось нечего. За первую неделю во дворце я, кажется, видела уже всех, кроме самого Императора, и успела побывать на всех постах, кроме Его комнат. Нет, это вовсе не заговор, это, наверняка, обычная практика — не ставить новичков на самые ответственные места, и я всё это прекрасно понимаю, но у меня свербит — мне надо увидеть свою цель.

Недоумевала, кстати, не только я. Пойманные ненароком обрывки фраз явно свидетельствовали: и мои сослуживцы, и сразу заприметившие меня придворные — ещё бы, единственная девушка в дворцовой страже на данный момент! — ожидали, что караул я буду нести совсем в другом месте. И караул совсем другой. А вот нет. Я продолжала отстаивать смены на совершенно обычных, никак не приближенных к Императору и его покоям постах.

На меня ходили смотреть скучающие вельможи — вот что, им Император Ашш дело найти не может? — причём, некоторые осматривали с таким видом, словно Его Императорское Величество уже пообещал передать меня в пользование буквально на днях. Вот практически завтра. Но открыто никаких действий не предпринимал. Так прошла

ещё одна неделя. А потом ещё...

Вообще, во дворце мне неожиданно понравилось. Здесь лучше кормили, уважительнее относились, и было больше свободного времени. Которое я совершенно не представляла куда деть. Мои сослуживцы в это самое время бежали в кабаки или на свидания, вернее, кто на свидания, а кто в бордели, но мне не подходил ни один вариант. Я знала, что в моём возрасте девушки мечтают о любви и о замужестве, но у меня самой эти мысли как отрезало после пятнадцатилетия. Даже если бы я и не планировала посвятить свою жизнь мести, на что я могла бы рассчитывать? Безродная бесприданница с неясным прошлым и сомнительной профессией...

Пока что в свободное время я ходила гулять, просто гулять по городу, старательно огибая свой бывший район, чтобы не поддаться вновь искушению и не подойти к тётиному дому. На ходу мне думалось лучше, но недостаточно хорошо. Почти пять лет я трепетно лелеяла и взращивала свою месть, совершенно не представляя, как я её осуществлю, успокаивая себя тем, что надо подобраться поближе, попасть во дворец, а там я что-нибудь придумаю. Ну и вот. Пора бы что-то и придумать. Плохо, что у меня всё ещё очень мало информации, всё, что я знаю, это какие-то урывки, из которых не понять даже, кто находится в данный момент во дворце — сам Император или кто-то из его двойников, и есть ли у него вообще двойники? В народе упорно ходили слухи, что есть, да и эта вечная маска опять же... Как действует амулет, который мне выдали при приёме на службу? По официальной версии он защищает от заклинаний подчинения и внушения, но я уверена, что туда же встроено и что-нибудь, мешающее причинить вред Императору. Хорошо ещё, что нет никаких проблем снять это побрякушку — я пробовала, успешно, на всю ночь, и никто меня за это не покарал и не отчитал, и даже не спросил, зачем снимала.

В общем, вопросов было очень много, а задать их было некому. Казалось бы, об Императоре должны сплетничать, особенно его слуги, но нет. Сплетничали обо всех остальных. О Министрах, о каких-то придворных дамах, о Семьях — пару раз я даже слышала некоторые гадости о своей Семье... то есть, уже давно не своей, и из этого поняла, что у тёти всё более менее в порядке, и она даже иногда бывает при дворе. А вот о самом Ашше — ни слова. Словно бы боятся, что каждое слово, сказанное о Нём, мгновенно достигнет Его ушей. Даже когда он в отъезде, всё равно — ничего. Только какая-то рабелепная покорность, которая меня невероятно злила. Этот человек захватил их страну, а они лебезят и облизывают ему ноги. Тьфу!

Когда я уже окончательно решила, что можно немного расслабиться и неспешно собирать информацию, не опасаясь ни скоропалительного взлёта, или же наоборот — падения, кому как — в постель Императора, ни столь же скоропалительной опалы, ибо Он про меня совершенно забыл, случай столкнул нас снова.

Вернее сказать, это был не случай. Это был Гильермо Зорго, мой сослуживец и крайне неприятный тип. Если со всеми остальными я как-то нашла в той или иной степени общий язык, меня даже начали периодически звать на посиделки в кабак, от которых я пока что отказывалась, то с Гильермо у нас не заладилось сразу. Он был из тех людей, которые крайне категоричны в своих суждениях, а также обмотаны плотным коконом иллюзий собственной важности и непогрешимости, и эта гремучая смесь заставляла его хамить всем подряд, пытаясь донести до мира свою собственную правду. В частности, правда заключалась в том, что я — продажная и невоспитанная тварь, падшая женщина, ибо удел существа слабого пола — сидеть дома и боготворить мужа, а вовсе не расхаживать по дворцу в мужской одежде,

провоцируя достойных людей на недостойные мысли. Я пропускала это мимо ушей, не желая связываться, но вчера недостойные мысли, не без помощи горячительных напитков, наконец, взяли верх над этим весьма «достойным» человеком, и он перешёл к активным действиям.

Я возвращалась с прогулки по городу, немного уставшая, но в странно-спокойном состоянии духа, ибо как раз решила не торопить события, дать себе время присмотреться и обжиться, и не придавала никакого значения идущему навстречу Гильермо. И даже то, что ему нечего делать в этом крыле — женском, меня как-то не особенно насторожило. А зря.

Стоило вставить ключ в замок двери и повернуть, как сзади навалилась какая-то тяжёлая громадина и, дыша перегаром, впихнула меня в комнату. Не буду врать, что не испугалась, сердце совершило какой-то скачок и забилось быстрее, но страх меня не парализовал, а подстегнул. Я ударила головой назад — сдавленный стон, вырвалась и, отпрыгнув, развернулась, доставая оружие.

— Ты что себе позволяешь? — возмутился Гильермо, держась за нос. — Я тебя проучу! Я научу тебя почтению и смирению!

Я перехватила нож поудобнее и молча ждала. Он тоже схватился за нож, сделал шаг ко мне... и тут же упал на колени, отбрасывая оружие и хватаясь за голову. Я некоторое время растерянно на него смотрела, не зная, что и делать, а потом убрала нож, кое-как вытолкала стонущего мужчину в коридор и захлопнула дверь. Произошедшее довольно сильно выбило меня из колеи, я долго не могла отделаться от мысли, что, возможно, надо было оказать ему помощь, но всё внутри меня протестовало. Он хотел меня изнасиловать, а может, и избить! Какая помощь? Что? Человеколюбие и прощение? Нет, не слышала.

А утром я написала докладную о нападении, прекрасно понимая, что ставлю этим крест на нормальных отношениях со всеми сослуживцами, ибо никто не любит ябед и стукачей, как и выносящих сор из избы. Но знаете что? Мне плевать на любовь и дружбу людей, которые считают, что такое может, а то и должно оставаться безнаказанным. Если бы не амулет — а я почти уверена, что дело в нём, это он среагировал на желание причинить вред, неизвестно чего бы мне стоила эта стычка. А вдруг Гильермо и на служанок нападал? Не думаю, что его подход ко мне разительно отличается от подхода к остальным женщинам... И было в этом всё, кстати, кое-что хорошее. Вернее, полезное. Я, кажется, поняла, что со мной сделает амулет, если я решусь предпринять в отношении Императора что-нибудь, явно призванное причинить вред. Значит, надо будет снять.

Друзья и сочувствующие Гильермо Зорго активизировались гораздо раньше, чем я ожидала. Впрочем, даже догадывайся я, что дело нечисто, вряд ли бы у меня хватило уверенности в этом, чтобы рискнуть послушаться и не пойти.

Я стояла на посту — ну, то есть бессмысленно подпирала двери — у тронного зала, когда за мной прибежал один из сослуживцев.

— Ика Стайер, — именно так я назвалась при поступлении в училище, — срочно к Императору!

Он почти бегом протащил меня по коридорам, не давая толком опомниться и что-то сообразить. Меньше минуты, и мы уже в тех помещениях, куда меня ни разу не допускали, подбегаем к каким-то высоким двойным дверям, которые вроде бы охраняются, но охрана делает вид, что нас не замечает, и он меня вталкивает, я бы даже сказала, швыряет в эти двери.

Я ловлю с трудом равновесие и поднимаю взгляд от инкрустированного пола. Наверное,

это кабинет Императора. Или малая приёмная. И я тут оказалась в крайне неудачный момент, ибо Он тут... и не один. Поспешно опускаюсь на колени под холодным и чуть раздражённым взглядом, чувствуя, что надо, наверное, что-то сказать и выметаться, но слова все куда-то попрятались, и первым заговаривает он.

— А, — говорит Император Ашц, — моя новая стражница!

Совершенно не рассерженно говорит. Даже как-то доброжелательно, но как знать, может, это опаснее открытого гнева? А он добавляет:

— Хочешь на её место?

Я бросаю взгляд на полуобнажённую девушку, разложенную на столе, отмечаю недобрый огонёк, вспыхнувший в её глазах при этих словах, и понимаю, что количество моих врагов стремительно растёт. А ещё, что Он ждёт ответа, и в самом деле ждёт. И ответить надо что-нибудь не оскорбительное, по крайней мере, то, за чем не последует немедленная казнь, ибо сдохнуть и жизни толком не узнав, и мести не осуществив — провал провалов. Но инстинкты мои быстрее мыслей, и я, оказывается, уже мотаю головой, а на лице, навверняка, написан самый настоящий ужас. Я бы и попятилась назад, уверена, если бы не преклонила колени. Хорошо хоть отползать всё-таки не начала...

— Простите, мой Император, — говорю я, гадая, не будет ли это сочтено очередной дерзостью, ведь он прямым текстом говорил — ему нравится, как от меня звучит «мой Господин».

— Хм, — совершенно не расстроен он. И делает вид, что озадачен. — Тогда, значит, хочешь посмотреть?

Я растерялась. Не сразу даже поняла, что он предлагает мне остаться и посмотреть, как они будут делать это... А может, не предлагает, а изопрённо издевается, намекая, что мне тут не место. В любом случае, извращенец чёртов!

— Простите, мой Император, — вновь повторяю я. И добавляю, как-то тоскливо и безнадёжно. — Произошла ошибка. Разрешите идти?

— Иди, — вдруг смягчился он. И я успела обрадоваться, наивно понадеялась, что всё обошлось, да не тут-то было. Уже в дверях услышала. — Вечером придёшь.

Весь день я не находила себе места. Вопрос «идти или не идти» не стоял, как тут не пойти. А вот что там делать... Покушаться или не покушаться? И если да, то когда? И как? Или просто покорно отдаться, выжидая лучший момент? Шансов у меня сейчас никаких. Но как же не хочется и в самом деле становиться подстилкой. Тем более, Его подстилкой. А если предположить страшное — что я так и не смогу, не успею выбрать момент, и он, наигравшись, отправит меня куда-нибудь подальше, как я буду жить? Мало того, что не отомстив, но ещё и лишившись чести... Но наброситься на него сейчас и лишиться жизни — тоже какой-то сомнительный ход.

И когда у него, интересно, вечер? В пять? В семь? В одиннадцать? С какого момента мне начинать обивать пороги его кабинета? Или спальни? Может быть, стоит прийти как можно позже, чтобы он про меня забыл, лёг спать, и я к нему вообще не попала? Ну, ведь не вспоминал же он обо мне целый месяц, вдруг и сейчас забудет... мне кажется, та полуголая девица на его столе должна приложить к этому максимум усилий.

И всё-таки я пришла. К десяти. И охрана — будь они прокляты! — даже не стали докладывать, просто распахнули передо мной двери. Видимо, были предупреждены. Я мысленно взвыла и вошла в то же помещение, где была днём.

ГЛАВА 4. Ночь с Императором

На этот раз Император был один и стол использовал по его прямому назначению — просматривал какие-то бумаги, что-то подписывал, что-то уничтожал взмахом руки. На меня он даже не взглянул, ограничился коротким:

— Присядь!

Я поискала глазами куда — нет, я могу и на пол, если надо для дела, но, кажется, Император имел в виду кресло. Уютное и мягкое, полная противоположность хозяину кабинета. И не тяжело ему всё время в маске? Он вообще умывается? Хотя какое мне дело... и вообще, не хочу я на него смотреть. Что он там делает, интересно? Подписывает очередные смертные приговоры? В перерыве между постельными утехами... Я ощутила острый приступ неприязни и поспешила отвести глаза. А ну как почувствует... А вот обстановка в кабинете, в отличие от его владельца, мне очень даже нравится. Крупная, удобная мебель, высокие потолки, много книг и почти ничего лишнего. Никаких золотых статуэток инкрустированных алмазами или чего-то подобного, чем зачастую грешат жадные до богатства и власти люди.

Было в этом что-то нереалистичное — я сижу в присутствии Императора, одно имя которого наводит ужас на половину мира, и жду, пока он закончит свои дела... И как-то это так не вяжется с моим желанием его убить, что мне начинают лезть в голову странные мысли. Например, под каким-нибудь предлогом взлезть в архив и отыскать там данные о братьях. За что их казнили? Какие были доказательства? Кто свидетельствовал? И в самом деле, почему я никогда не задумывалась об этом раньше?

— Всё, — сказал он, вставая, и я поспешно тоже вскочила. — Пойдём.

Внутри у меня всё оборвалось. Не знаю, на что именно я подсознательно рассчитывала. Может быть, что он просто со мной поговорит, как глупо и наивно... Послушно проследовала за ним в спальню через смежную дверь, чувствуя, как нарастает ощущение нереалистичности происходящего — ну ведь не может же и в самом деле быть, что мы сейчас... что он... что я... вот на этой вот кровати? Интересно, за что такая честь? Почему не в том же кресле, с него бы случилось...

— Надень, — велел тем временем Император и я непонимающе уставилась на стопку одежды на этой самой кровати. Странные у него какие-то ролевые игры. Одежда была самая обычная, мужская, мне будет чуть велика, но главное её достоинство заключалось в неприметности. Ещё был плащ. И хорошо, что он не сказал «переоденься» — приказ я выполнила дословно и нацепила одежду поверх формы, благо размер позволял. Не раздеваться же в самом деле под бесстыжим взглядом этого чудовища, а то мало ли, что придёт ему в голову, а так, кажется, у меня есть шанс избежать нежеланной близости. Одевшись, замерла в стойке «смирно», вопросительно глядя куда-то в область груди Императора и чувствуя, как внутри поднимается любопытство — что он задумал?

— Будешь меня сопровождать, — обронил Ашц, и я невольно проследила взглядом за взметнувшимися вверх руками — накинул капюшон, достаточно глубокий, чтобы скрывать в своей тени извечную маску и редкую для наших краёв белизну волос.

— Как тебя зовут? — спросил он, когда мы шли каким-то потайным ходом — я пыталась на всякий случай запоминать, но получалось не очень. Это не просто ход, это какой-то безумный лабиринт!

— Ика, мой Господин! — поспешно отозвалась я, с отвращением обнаружив в своём

голосе те же лебезящие нотки, что и у всех. Да, это ради конспирации, но до чего же противно...

— И как тебе в моём дворце, Ика? — поинтересовался он. — Не обижают?

— Никак нет, мой Господин, — жаловаться ему не хотелось. Я уже сделала то, что считала нужным и то, что полагалось по уставу, и не чувствую ни малейшего желания распространяться об этом всем подряд. Тем более Врагу. Пожаловаться ему сейчас — это попросить у него помощи... и если поможет, то как после этого убивать?

— Мы идём в город, — пояснил он. — Прогуляться. Твоя основная задача — молчать.

Я старательно молчала. Но думала. Какой чудесный момент, — думала я, — для покушения. Мы вдвоём в каком-то потайном коридоре, возможно, что уже и за пределами дворца... и какой соблазн... вот только я почему-то не могу. Хоть и представляла себе это тысячи раз, но тогда Император всегда был безликим, и был воплощённым злом. А теперь передо мной живой человек, хоть и весьма испорченный... наверняка, испорченный. Это было похоже на трусость, и я разозлилась на саму себя. Хотя в моём случае лучше трусость, чем глупость. Ведь это, наверняка, проверка. И я, между прочим, в амулете, так что Императору самому не придётся даже ничего делать — меня скрутит такой же болью, как и Гильермо, стоит только и в самом деле нацелиться на императорскую шею или другую жизненно важную область...

Подземный ход привёл нас на кладбище — я постаралась запомнить и склеп, не потому что и в самом деле думала, что пригодится, просто всё, связанное с ним, казалось важным. Когда мы вышли на тихую и безлюдную улочку, примыкающую к кладбищу, он окинул меня внимательным взглядом и велел:

— Возьми меня под руку. За мужчину ты всё равно не сойдёшь.

Я неохотно послушалась. Мне не хотелось к нему прикасаться. И смотреть на него не хотелось. И идти рядом с ним куда-то в ночи — тоже. Но, кажется, мои желания давно уже перестали иметь значение.

Через пятнадцать минут я начала волноваться, а через двадцать уже была в ужасе — мы шли в мой родной район. Неужели он обо всём догадался? Не может этого быть, никак не может! И всё же? Вдруг мы идём в дом к тёте Эльзе? И там он столкнёт нас лицом к лицу и потребует объяснений, или же и вовсе — просто прикажет убить меня на глазах у тётки. Или тётку на моих глазах. У Императора Ашша жестокие игры.

К моему невероятному облегчению до дома тётки мы не дошли, свернули раньше в небольшой переулок, где, насколько я знала, не было ни одного обитаемого дома — их там всего-то пять, и все пустуют больше двадцати лет. Кажется, про них даже страшилки ходили, что дома эти убивают своих хозяев, то ли жизненную силу из них выпивают, то ли притягивают несчастья... И что там забыл Император Ашш-Ольгар?

Ого, похоже, что кто-то всё-таки живёт! Мы останавливаемся у одного из домов — серого, с бело-красной крышей, окна его темны, и он выглядит таким же заброшенным, как и остальные, но на фигурный стук нам сразу же открывают дверь. И пропускают внутрь, ничего не спросив. Почти наощупь — света мало, и он не магический, я тороплюсь за Императором, и в этот момент даже рада, что держу его под руку, иначе уже несколько раз упала бы, запнувшись о бросающиеся под ноги вещи. Пара поворотов, и мы в большой гостиной, почти как в тёткином доме. И кое-какое убранство, которое я кое-как могу разглядеть, а где-то вспомнить подобное и додумать, говорит о том, что люди здесь жили небедные. И совкусом. По крайней мере, мне бы здесь понравилось. Гостиная освещена

чуть лучше, но всё равно тускло, и там уже собралось и расселось по диванам и креслам порядка тридцати человек. Осталось только одно место, и раньше, чем я успеваю что-либо сообразить, Ашш усаживает в это кресло меня, а сам встаёт рядом, железной хваткой стискивая моё плечо, чтобы не вздумала вскакивать. И в самом деле. Если мы тут инкогнито, то мои попытки усадить его вызовут подозрение. Но что это всё-таки за место и что за собрание?

— Итак, — вдруг заговорил один из пришедших ранее, и я вздрогнула, потому что голос показался мне смутно знакомым. — Завтра наступит день, к которому мы готовились полгода, а мечтали о нём целых десять лет! Десять лет!.. — на мгновение он замолчал, словно бы давая слушателям проникнуться длительностью и значимостью. — Я не буду напоминать вам всем, как важно сделать всё идеально, что другого шанса у нас просто не будет, я знаю, что вы все это понимаете, так что просто повторим наш план. Завтра вечером у этого выродка, наконец, Большой Совет в Янтарном зале, а значит, на два или три часа — советник Миррейн постарается, чтобы это было как можно дольше, в его паутине появятся дыры и слабые места, в которые мы сможем пролезть незамеченными. Где ход вы уже все знаете. Встречаемся там сразу после заката. Помните, с собой нельзя брать ничего магического! Он сразу поймёт, выйдя из Янтарного зала, что изменился общий уровень магии, и тогда нам конец! Попав во дворец, вы должны спрятаться! Затаиться! Лучше всего в крыле прислуги. Леди Шайна, — мне померещился кивок в мою сторону, — в ходе... вечерних утех, простите мою грубость и прямоту, леди, опоит его специальной настойкой, которая его значительно ослабит, а если нам очень повезёт, то и вовсе лишит магических сил на время. Настойка сработает через два часа, так что сразу он ничего не заподозрит...

Ощущение нереальности происходящего усилилась до максимума. Все эти люди в этой комнате уже считай мертвы, но они полны радужных надежд и планов и даже не догадываются, что этот «выродок» и «паук» играет с ними, и прямо сейчас стоит среди них и внимательно слушает, как его собрались убивать. И я, наконец, узнала голос. Ридейн дель Нарго глава Семьи дель Нарго, он был очень дружен с тётёй во времена моего детства. Неужели тётя Эльза тоже здесь? И что мне делать? Если я сейчас встану и крикну «это он, это Император!», смогут ли они хоть что-то ему противопоставить? Не думаю, что он бы сунулся сюда, ещё и с непроверенной стражницей, если бы не был на сто процентов уверен в собственной неуязвимости и силе. С другой стороны, все заблуждаются, может заблуждаться и он... Вопрос в том, что делать мне. И вопрос срочный. Кричать или не кричать? Казалось бы, момент ещё удачнее, чем в этом подземном лабиринте, но как знать, не прячутся ли среди этих фигур в плащах с капюшонами преданные императору воины?

Может быть, лучше найти способ предупредить дель Нарго завтра? У меня выходной, я могу вообще подстеречь их возле входа на кладбище и предупредить там, что это ловушка. А с другой стороны... раз Император знал, куда идти, скорее всего, это далеко не первая встреча, возможно, бедные советник Миррейн и леди Шайна уже не один день в пыточных и рассказали всё, что могли, сдали всех поимённо... а я тут как раз для проверки именно моей благонадёжности. О небо, но что же мне делать?! Стоит ли подставляться и терять свой призрачный шанс на месть ради тех, кто уже обречён?

И пока я мучаюсь сомнениями и неуверенностью, люди начинают расходиться.

А мы пока остаёмся. Я бы хотела встать и пойти со всеми, просто-напросто физически сбежать из невыносимой ситуации, но рука Императора всё так же лежит на моём плече, и я даже через три слоя одежды ощущаю, какая она горячая. Но вот, наконец, давление на моё

плечо ослабевает, а затем и вовсе исчезает, и мы выходим сначала обратно в тёмную прихожую, а затем и на улицу. Я жадно вдыхаю уличный воздух, после затхлого запаха дома он ощущается почти как поток живой воды, и стараюсь не думать о том, что только что произошло. Слишком это всё непонятно, мучительно и стыдно. А ещё безнадежно. Разве могу я надеяться хоть на какой-то успех своей глупой затеи, когда Император Ашш так беспечно разгуливает среди заговорщиков, среди которых есть довольно сильные маги. Те же дель Нарго... Интересно, что дальше? Отменит этот свой Большой Совет и переловит всех в свою паутину, о которой с таким страхом и такой ненавистью недавно говорили заговорщики? Или обрушит на них подземный ход? А может, натравит нас, дворцовую стражу? И завтра почти в это же время я буду стоять с оружием в руке в засаде на какого-нибудь хорошего человека, смутно знакомого мне из той жизни?

— У тебя есть вопросы, — сказал Император, когда мы вывернули на оживлённую улицу. Со стороны мы, наверное, смотрелись самой обычной парой — накрапывал мелкий дождик, и многие надели капюшоны... И я даже не помню, когда я успела взять его под руку — наверное, ещё в доме, иначе бы пересчитала все углы и косяки при выходе...

— Да, мой Господин, — согласилась я, не торопясь, впрочем, эти самые вопросы вываливать. И правильно сделала, судя по всему.

— Два, — сказал он. — Ты хорошо справилась. Можешь задать два.

Справилась — это, видимо, молчала. С нужной выразительностью и интенсивностью. Особенно учитывая, что я вообще всё время молчала, кто бы не справился... Невысокого, видать, Его Императорское Величество мнения о моих способностях. Но это неважно, я вообще должна думать о другом. Ведь надо спросить так, чтобы узнать что-то полезное, но не навлечь подозрений...

— Почему они ещё на свободе? — спросила я. Вроде бы, неплохой вопрос.

— Взять надо сразу всех, — отозвался Ашш, и я немного приободрилась. Значит, не всё потеряно? Я ещё могу их спасти? Если он хочет накрыть завтра, то у меня ещё целый день, чтобы что-то придумать и передать восточку... вот только рискну ли я? Пожалуй, и в самом деле рискну.

— Второй вопрос? — вырвал меня из задумчивости тягучий голос Императора.

— Как Вы узнали? — всё-таки спросила я. Рискованно, конечно, но если среди заговорщиков есть стукач, я должна знать. И дель Нарго должен. Иначе мне точно конец. С другой стороны, вполне логичный вопрос. Не так уж часто главная цель заговора настолько непринуждённо и нагло участвует в обсуждении и планировании.

— Полгода назад я отнял у Семей часть их земель, — спокойно признался мой чудовищный спутник. — И убрал право не преклонять колена, ограничиваясь поклоном. Ожидаемо, что они активизировались. А дальше я просто основательно переговорил с нужным советником, и он мне всё рассказал...

Бедный советник почему-то моментально представился мне висющим вниз головой, измученный и окровавленный... Что ещё Император Ашш мог вкладывать в это вот «основательно поговорил»? И как он обнаружил «нужного» советника? Неужели рассказы про взгляд, читающий в душе, как в открытой книге — правда? Но тогда я давно была бы, наверное, мертва...

А ещё я вдруг ощутила какую-то жгучую обиду — пять лет назад Император казнил всех сыновей Эльзы дес Аблес, и никто из Семей даже не шелохнулся — дель Нарго сам сказал только что об этом. Мечтали десять лет, а делать хоть что-то начали, только когда Император

залез в их кошельки и заставил унижаться. А то, что он практически извёл одну из старейших семей — какая, право, ерунда! Неужто стоит рисковать ради таких?..

Мы шли обратно во дворец, и меня начали одолевать мысли о собственной доле. Вот сейчас закончится этот переход — я, кстати, до сих пор держу Императора под руку, ведь он не приказал отпустить, а я — послушная верноподданная, точнее, стараюсь прикидываться ею — так вот, выйдем мы в его спальне... и? Что-то мне подсказывает, что с Ашш-Ольгара станется воспользоваться мной не только как сопровождением, но и по другому... может быть, это только мои страхи. А может, интуиция, и я снова не знаю, что мне с этим делать. А хуже всего то, что от этих мыслей моя рука начинает дрожать, и, конечно, он не может этого не заметить. Но молчит.

И вот — момент, который мне очень хотелось оттянуть, а лучше всего вычеркнуть из своей судьбы в принципе — мы в этой его громадной комнате с громадной же кроватью. Император отпускает мою руку и скидывает плащ. Я против воли заворожённо смотрю на разметавшиеся по плечам белоснежные волосы, и судорожно запахиваю свой плащ поплотнее.

— Что стоишь? Раздевайся, — бросает он, и я уже готова упасть на колени и просить, чтобы эта вот сомнительная милость меня миновала, но не успеваю. Он, кажется, злится, заметив отчаяние на моём лице, одним движением срывает с меня плащ и показывает на одежду, которую я надела поверх формы. — Это снимай и свободна!

— Благодарю, мой Господин! — шепчу, лихорадочно избавляясь от второго слоя одежды и оставаясь в форме. Надо быстро, пока не передумал. И бегом к дверям, я уже почти в коридоре...

— Прости, — говорит каким-то непостижимым образом оказавшийся впереди, между мной и выходом, Ашш-Ольгар, и раскаяния или сожаления в его голосе совершенно не сыскать, даже если очень постараться. — Конспирация!

Притягивает меня к себе и целует в шею, где-то там за ухом, заставляя замереть от ужаса и обезумевшего табуна испуганных мурашек. Они стремглав проносятся по всему телу, сея смятение и недоумение и заставляя сердце биться чаще и сильнее. Император отстраняется и позволяет мне, наконец, выскользнуть за дверь, унося с собой так и не успокоившиеся до конца мурашки. И медленно, но верно проявляющийся засос.

ГЛАВА 5. Любовница Императора

Утром я проснулась от нарочито громкого стука в дверь и повышенного голоса старшины.

— Приболела она, Ваше Сиятельство! — он удивительным образом ухитрялся и лебезить, и говорить на повышенных тонах. — Возьмите кого другого?

— Мне нужна девушка! — чуть раздражённо пропел в ответ мелодичный женский голос. — Как я с мужчиной пойду в магазин белья?! Есть у тебя ещё девушка? Нет? Вот и давай, стучи! Не заставляй меня жаловаться Императору!

Раздался тяжкий вздох старшины Кима и снова громкий стук.

— Ика, открывай! Госпожа графиня оказывает тебе честь её сопровождать!

Первым моим порывом и правда было сделать вид, что я приболела — сопровождать куда бы то ни было обладательницу этого капризного голоса мне совершенно не хотелось. У меня вообще-то выходной и свои собственные дела, которые я совершенно не представляю,

как провернуть... а впрочем...

Жаль, конечно, что старшина сочтёт меня либо круглой душой, либо неблагодарной круглой душой, но что поделаешь, если мне надо в город. И желательно так, чтобы не вызвать подозрений, так что придётся сопроводить эту капризную дамочку туда, куда она хочет, и улучшить минутку, чтобы передать весточку.

Я пригладила рукой растрепавшиеся во сне волосы, быстро натянула форму и открыла дверь, как-то сразу напоровшись на требовательно-ищущий взгляд.

— Ваше Сиятельство, — уныло поприветствовала вчерашнюю девушку со стола. Это ж надо... я как-то даже и не подумала, что она примчится утром проверять. Или сразу мстить? Кажется, я и в самом деле круглая идиотка — она смотрит так, словно сейчас начнёт меня обнюхивать или осматривать под лупой, пытаюсь обнаружить следы присутствия Ашша.

Невольню я потянулась закрыть волосами засос — ну и гад же Вы, мой Император! — и тем самым сделала только хуже — как раз и привлекла к нему внимание. Взгляд графини из недоброго сделался просто-напросто опасным.

— Я вижу, всё с Вашей Икой в порядке. Помята, конечно, но чего ждать от солдатки! — фыркнула она. — Иди за мной, стражница. Император отдал тебя мне на сегодня!

Я молча натянула сапоги и последовала за зло стучавшей каблуками по коридору графиней, на ходу пытаюсь расчесать рукой и заплести в косу спутавшиеся волосы. Неужели она действительно ревнует? Странно. Я бы, если бы мне пришлось всё-таки быть с Императором, наверное, радовалась, что он переключился на другой объект... не любит же она его, в самом деле? Боится потерять статус? Но она и так графиня, независимо от положения его любовницы, а обращается он с ней, кстати, как... как с девкой. Вон на столе её... Вспомнив сцену в кабинете, я даже немного покраснела. И любопытно — он и в самом деле отдал меня ей? Если бы я и правда стала его любовницей, это бы меня, наверное, раздавило, а так... ну, неприятно. Но терпимо. И интересно, это и есть леди Шайна? Или Император содержит гарем?

Не знаю, чего именно хотела достичь графиня, но, кажется, я её ожиданий не оправдала. Всю дорогу до магазина она рассказывала мне, где и как они с Императором... хм... предавались греху, при этом внимательно меня разглядывая. Я пялилась в окно экипажа и старалась не слушать, но какая-то часть моего сознания или даже подсознания, совершенно незнакомая с этой стороной жизни и не особо интересовавшаяся ранее, жадно впитывала и запоминала. А Император-то, оказывается, затейник. Ну, то есть извращенец чёртов. Или это графиня ему льстит и набивает себе цену... и, наверное, ждёт, что я сейчас начну рвать на себе волосы от ревности, обиды и бессилия, а мне всё равно. Разве что чуточку любопытно. И странно.

В магазине я исполняла роль служанки, уже даже не вслушиваясь в бормотание девицы, плевать мне какой именно цвет и фасон нынче вечером придётся Императору по вкусу, у меня дело, и мне надо придумать, как его провернуть. Может, притвориться, что мне всё же нехорошо и отпроситься в аптеку? А то эта полоумная, кажется, собралась промурыжить меня целый день... Соваться лично в особняк дель Нарго я, разумеется, не собиралась, планировала заказать доставку чего-нибудь и вложить туда записку с каким-нибудь нейтральным для непосвящённых текстом. Или же вообще просто заказать ему торт «Император» — продавался такой, я не так давно видела, когда гуляла по городу. Должен понять.

Я уже предвкушала конец своих мучений — успела раз тридцать сбегать туда-сюда с

разными комплектами белья, и если вначале они казались мне очень даже красивыми, я даже подумывала приобрести как-нибудь потом, в другой жизни, если останусь в живых, нечто подобное, то теперь я их люто ненавидела. Кружева, бантики и рюшечки. Век бы не видеть! Но, кажется, ассортимент магазина подошёл к концу, и если эта полоумная не начнёт по второму кругу, то свобода уже близка!

Не тут-то было! К ней пришли подруги. Девушки впорхнули в магазин, весело болтая, по крайней мере, две из них оживлённо щебетали и радостно бросились обниматься с моей мучительницей, воскликнув «Лайза!».

Я чуть не застонала вслух, одновременно отметив про себя, что, видимо, всё-таки гарем. С тоской посмотрела на третью, которая вела себя тихо и как-то нерешительно, и чуть не вскрикнула, потому что узнала её — Сейна, дочка дель Нарго. Может быть, это шанс и надо передать с ней?.. Или... или... неужели поздно?! Девушка была в весёленьком розовом платье, но бледная до синевы и с красными заплаканными глазами. И она, дождавшись момента, схватила графиню за руку и о чём-то жарко просила. Графиня кусала губы, с жалостью глядя на подругу, и качала головой. Конечно, она не осмелится просить Императора за заговорщиков. Мало кто осмелился бы. Я почувствовала, как мир для меня содрогнулся и словно бы перевернулся, мне даже пришлось схватиться за ближайшую вешалку, чтобы не упасть. С чего я взяла, что арест будет сегодня? Ашш-Ольгар сказал «надо взять всех сразу». И, наверняка, взял. Вчера ещё, как только они вернулись по домам. Думаю, и допросил уже.

И отправь я и в самом деле весточку дель Нарго, меня бы уже через час повязали... От подобной перспективы сделалось дурно. А ещё почему-то я очень расстроилась. Несмотря на некоторую обиду на заговорщиков за то, что не вступились за мою Семью и тётю Эльзу, мне очень хотелось их спасти. Они мне казались частью старого Альмара, с его демократичной системой правления, вековыми традициями и незыблемостью. Так что я грустила, особо даже не вслушиваясь в разговоры, хотя они, кажется, прошились и по мне. Все четверо. Но сама себя я ругала куда худшими словами — могла ведь попытаться... могла. Но струсила.

Обратно мы ехали в молчании, и мне показалось, что графиня волнуется, хотя она и старалась сохранять невозмутимый вид. Наверное, горе подруги её всё-таки тронуло, — подумала я, начиная неожиданно ощущать даже симпатию и сочувствие к этой пусть и избалованной, но, как оказалось, отнюдь не чёрствой девушке. Может, даже подыскивает слова, чтобы поговорить с Императором...

Развить мысль я не успела. Экипаж резко остановился, и в открытую рывком дверцу запрыгнул мужчина совершенно неприметной наружности, но он был вооружён и тут же приставил нож к моему горлу. Позор мне, как стражнице, но я ничего не успела предпринять.

— Не рыпайся! — велел он. — Давай вылезай!

Я послушно аккуратно сдвигалась к выходу, вслед за ним, чувствуя, как нож периодически дотрагивается до моего горла, и гадая, один нападавший или нет, и что же ему — или им? — нужно. Впрочем, на первый вопрос я получила ответ довольно быстро — нет, не один. Второй тоже залез в экипаж. Неужели это похищение любовницы Императора? Но зачем? У меня сложилось такое ощущение, что Ашш-Ольгар, может, ещё и спасибо скажет, а уж идти на какие-то уступки точно не станет... Хотя, я могу ошибаться. Может, это попытка освободить заговорщиков?.. Нелепая, но всё же лучше, чем то, что сделала я. То есть, лучше, чем ничего. Наверное.

Лайза поспешила развеять мои романтические представления о действительности и о

людях.

— Как благородно с твоей стороны, Ика, пожертвовать своей жизнью ради спасения моей! — патетично сказала она, но сквозь пафос отчётливо сквозило злорадство. И приставлять нож к её шее второй не спешил. Она сама взяла у него нож и легонько кольнула собственное горло. Видимо, тоже для конспирации. — Если он вообще о тебе вдруг вспомнит, что вряд ли, я расскажу ему, как ты героически погибла. Ну, почти героически, — неприятно улыбнулась она. И обратилась уже к напавшим. — Развлекитесь с ней как следует, а потом убейте. Никудышная стража нынче пошла!

Я давно уже нащупала свой нож и могла бы его достать, и, скорее всего, даже смогла бы вывернуться и всадить этот самый нож в ногу, а то и в живот держащего меня мужчины. Но что делать со вторым? В тесноте экипажа он среагирует куда быстрее, чем нужно для благоприятного для меня исхода. А главное, что делать с Лайзой? Если я каким-то чудом сейчас освобожусь, справлюсь и со вторым напавшим, и мы вернёмся вместе с графиней во дворец — не убивать же мне её, она, наверняка, заявит, что это именно я на неё и напала. И будет её слово против моего. Слово графини и официальной вроде бы — кто их разберёт — любовницы Императора против слова безродной стражницы, с которой Он один раз просто развлёкся. Нет уж. Пусть вернётся одна, как и планировала, расскажет свою версию событий — что я пыталась её защитить. И только потом появлюсь я. А значит, мне надо выйти из экипажа с этими бандитами, так будет больше шансов. Лучше всего напасть в тот момент, когда буду вылезать, ведь выбраться из экипажа с плотно приставленным к горлу ножом не выйдет. Значит, у меня будет несколько секунд. Есть правда опасность, что графиня заметит, но буду рассчитывать на лучшее и решать проблемы по мере их поступления. Сейчас нож у горла куда важнее.

В теории я знала, что надо делать. Но тысячи тренировочных боёв не заменят даже всего один настоящий бой. Это что-то психологическое, глубоко внутри. Однако надеяться мне не на кого кроме себя, так что вперёд, Аника дес Аблес, по крайней мере, ты должна продать свою жизнь подороже!

Мне несказанно повезло — графиня как раз расплачивалась со вторым бандитом, когда я, оказавшись снаружи экипажа, выдернула туда же первого. Быстро и тихо. Отвести руку с ножом, маячившую в непосредственной близости от шеи, рвануть, разворачиваясь, на себя и подставить нож. И вот уже он падает к моим ногам, держась за живот и обливаясь кровью. И мне снова невероятно повезло — второй вылез с другой стороны, так что и не подозревал о перемене расстановки сил до того момента, как экипаж графини отъехал. Интересно, видел ли что-то кучер? И если да, то будет ли об этом говорить?

Со вторым пришлось повозиться подольше. Я метнула в него нож, но этот тип оказался быстрее и сноровистее своего товарища, он бросился в сторону, так что нож его только слегка задел, может, даже и не оцарапал. А я достала меч — короткий, больше подходящий для сражений в помещениях, но при этом всё равно слишком тяжёлый и замедляющий. Мой противник был вооружён ножом и махал им гораздо легче и быстрее. Его техника была хуже, но природные сила и ловкость вполне это компенсировали. Хорошо ещё, что мы один на один дерёмся — менее ловкий и удачливый бандит был либо без сознания, либо мёртв — об этом я старалась не думать, эти мысли выводили меня из и без того шаткого равновесия, а для боя это опасно.

— Давай договоримся, — предложил мой противник после нескольких раундов, оканчивающихся ничьей, — как там тебя, Ика?

Отвечать я не стала, ибо мне казалось, что он заговаривает зубы. В конце-то концов, мне от него ничего не надо и бросься он убегать, я вряд ли бы нашла в себе силы и желание преследовать.

Неизвестно чем бы всё закончилось, надолго ли хватило бы моей выносливости, может статья, что и он первый выдохся бы и совершил ошибку, а может, и я, но тут вмешалась городская стража. Не знаю, проходил ли у них маршрут патрулирования в этом месте, или же они просто услышали подозрительный звон оружия, но я уже не помню, когда последний раз так радовалась чьему-либо приходу. Нас разняли, разоружили — причём, у меня забрали и амулет, мол, вещь магическая, мало ли, что она там может, связали руки и, подобрав раненого — к счастью, и в самом деле только раненого, а не убитого, доставили всех в участок.

Я наивно полагала, что на этом мои злоключения, по крайней мере, на сегодня закончены, и даже горячо благодарила Небеса за спасение. И в этом блаженном заблуждении пребывала, наверное, в общей сложности полчаса, пока, усевшись на жёсткий табурет в кабинете дознавателя, не услышала:

— Рекомендую тебе сразу во всём признаться.

— В чём признаться? — растерянно переспросила, чувствуя, что рассеявшиеся, как мне казалось, тучи стремительно сгущаются вновь над моей головой.

— В покушении на жизнь уважаемых господ Айрано и Шульг.

В тот момент я ещё ничего не поняла. Бросилась что-то объяснять, даже не стала говорить, что графиня их наняла — в это никто не поверит, сказала, что они вломились в экипаж к графине Лайзе, которую я сопровождала, и что мне пришлось вступить в бой... и, глядя во всё более скучнеющие глаза допрашивающего, поняла — сейчас меня посадят. Неважно, под каким предлогом. Или уже как сознавшуюся в убийстве, или до выяснения обстоятельств, не имеет значения, потому что оставшиеся на свободе уважаемые господа точно позаботятся, чтобы оспаривать приговор было некому. Уже завтра, скорее всего. Но почему?

— Как Вас зовут? — почему-то вдруг переходя на «Вы» поинтересовался он. Мне-то казалось, что надо с этого начинать. Странные у них тут порядки...

— Ика Стайер, — отозвалась я. И на всякий случай, хоть и без особой надежды добавила. — Стража дворца.

А то он сам не видит по форме. Всё видит.

— Вы хотите, чтобы я поверил, — протянул мой почти коллега, и всё стало понятно и безнадежно, — что брат старшины нашего участка на Вас напал? Зачем ему это? Не упорствуйте, Ика Стайер. Признавайтесь. Сделаем медицинскую экспертизу, признаем Вас умалишённой, полечитесь лет пять, потом выйдете... Вот, тут уже всё написано — помахал бумагами. — Вам надо только подписать.

У меня внезапно пропали все слова, и даже сам голос. Пять лет в лечебнице для душевнобольных, и это при самом лучшем раскладе! И за что?! За самооборону. И за ночь с Императором, в которую ничего не было. Но не буду же я предъявлять засос... а хотя, что мне терять?

— Я любовница Императора! — сообщила я ему слегка срывающимся голосом.

На меня как-то разом накатило ощущение собственной беспомощности и тотального одиночества. В последнем виновата я сама, заиклившись на мести, и не оставляя ни сил ни времени на то, чтобы дружить... и я знаю, что дружба вовсе не для этого, но как бы мне

хотелось, чтобы был хоть кто-то, к кому можно обратиться за защитой и поддержкой!

В ответ на моё признание дознаватель расхохотался, причём даже не злобно, а и в самом деле весело.

— Ты даже не представляешь, Ика, — сказал он почти доброжелательно, — от скольких преступниц я это слышал. — Если бы я каждую таскал к Его Величеству, меня бы уже давно казнили за назойливость! Так что придумай что-нибудь другое. Можешь попробовать соблазнить старшину, но он к брату очень привязан... Итак, зачем ты напала на уважаемых господ?

Интересно, как скоро он дойдёт до физического воздействия, — подумала я и уныло повторила, что ни на кого не нападала, это уважаемые господа проявили агрессию. И он, конечно же, мне опять не поверил.

— Мне бы не хотелось тебя бить, — вкрадчиво сказал уже порядком раздражённый мужчина. Ответить я не успела, хотя он, наверное, и не ждал... Мне повезло в третий раз. Причём так, как я и надеяться не смела.

— Мне бы тоже не хотелось, чтобы вы её били, — холодно произнёс голос, которого настолько не могло здесь быть, что я даже начала немного сомневаться в собственной вменяемости. Впрочем, если это и неправда, то врал и мне не только уши, но и глаза. Это было совершенно невозможно и непостижимо, но в дверях стоял Император Ашш-Ольгар собственной, а хотя, может, и не собственной, но какая к чёрту разница, персоной, и смотрел на открывшуюся ему картину явно неодобрительно.

— Чт..., — начал было дознаватель, стремительно бледнея. Потом, видимо, вспомнил, как полагается приветствовать Его Императорское Величество, и грохнулся на колени. — Мой Император!

— Мой Господин! — чуть охрипшим уже от часа разговоров голосом произнесла я, опускаясь на колено и — не могла с собой ничего поделывать — глядя на него с отчаянной надеждой.

— В чём обвиняется Ика Стайер? — поинтересовался Ашш-Ольгар. Он прошёл мимо меня, не удостоив и взгляда, но верёвка с моих рук странным образом вдруг соскользнула. Император устроился на краешке стола и нетерпеливо тряхнул головой. Белые волосы взметнулись, почти как живые, невероятным образом складываясь в длинную и толстую косу. Я подавила совершенно неуместное, непозволительное и просто абсолютно лишнее желание их потрогать. Дозволения встать не было, так что мы с дознавателем так и стояли: я — преклонив одно колено, он — два.

— Ну? — поторопил Ашш-Ольгар и, не дожидаясь ответа, взял со стола бумагу, которую мне так настойчиво предлагали подписать.

— Это недоразумение, мой Император, — пробормотал мой недавний мучитель. Его начинала колотить крупная дрожь, и я — злая и с хорошей памятью — ощутила себя отомщённой. По крайней мере, хоть частично. Хотя неизвестно ещё, что со мной потом будет...

— Вик, — негромко позвал Ашш-Ольгар, и в дверях моментально нарисовался высокий и худой человек, которого я ни разу не видела за всё время пребывания во дворце. И маячивших за его плечами парней я тоже ни разу не видела. — Всех под арест, дела за последние пять лет пересмотреть.

Я бросила взгляд на дознавателя, нет, вовсе не злорадный, ну разве что самую чуточку, а когда снова взглянула на то место, где был Император, его там уже не оказалось. И вообще в

этом помещении не оказалось. Он уже ушёл, не сказав больше ни слова, никак не позвав меня с собой, словно бы совершенно про меня забыл! Нет, я понимаю, что негоже Его Императорскому Величеству лично возиться с каждой стражницей, которая вляпалась в неприятности, но раз уж он не поленился лично приехать, мог бы хоть что-то сообщить. А то я начинаю думать, что попадаю в это вот «всех», которых «арестовать».

Я медленно поднялась на ноги, наблюдая, как дознавателю связывают за спиной руки, и всё больше уверяясь, что я попала под раздачу, сейчас эти активные молодые люди шагнут ко мне...

— Я отвезу тебя во дворец, Ика, — любезно сообщил мне один из них, и в самом деле делая шаг в мою сторону.

— С-спасибо, — отозвалась я. Вот уж действительно стоило послушаться мудрого старшину и сказать больно́й утром, и не ходить никуда. Моя жизнь была бы даже спокойнее.

Ехать пришлось на одной лошади — я устроилась сзади, стараясь не особо прижиматься, но и не упасть. Хорошо ещё лошадь широченная...

— Повезло тебе, — сказал Онни — так звали этого смешливого молодого человека, чей род занятий оставался для меня загадкой. Тайная полиция? Специальное ведомство? Но спрашивать напрямую я как-то не решилась пока. Может быть, в конце разговора. Или при следующей встрече, на которую этот Онни уже попытался намекнуть. И даже интересно, это он такой борзый, или знает, что Император во мне совершенно не заинтересован?

— В чём повезло? — послушно спросила я.

— Шутишь? Думаешь, Император каждого своего стражника лично из неприятностей вытаскивает? — присвистнул мой собеседник, а я почувствовала величайший душевный дискомфорт. И, не зная, что сказать, тупо переспросила:

— Не каждого?

— Нет, конечно! Тут просто удачно совпало, что он ехал мимо по своим делам, когда твой амулет перестал подавать признаки жизни...

— Перестал? — спросила я, уже не понимая совсем ничего. Стража сняла с меня амулет ещё там, где повязали. И времени прошло уже прилично. С чего вдруг амулет перестал подавать сигнал только сейчас?

— Ну, они его далеко от тебя убрали, наверное, или в магический сейф спрятать попытались, — охотно объяснил он. — А чего ты натворила-то?

— Ничего, — буркнула, чувствуя одновременно огромное облегчение и совсем немного какое-то странное разочарование, совершенно непонятно с чего вдруг. Ведь я бы ни за что в жизни не хотела бы, чтобы Император лично за мной следил своей вездесущей магией, или ещё как-нибудь особо пристально интересовался моей скромной особой.

— Как знаешь! — немного погрузстнел, словно бы обиделся в ответ мой собеседник. — Но вечером тебе велено явиться к Императору. Так что могла бы на мне потренироваться с объяснительной-то...

— Спасибо, — на всякий случай решила побыть вежливой я, хотя никакой благодарности именно по этому поводу не испытывала — тренироваться я не хочу, так что все эти вопросы — грубый и несанкционированный заход на мою личную территорию. — Я как-нибудь так... без тренировки.

Даже если бы я и хотела ему рассказать, то что могла бы озвучить? Что на меня открыла охоту высокородная любовница Императора за ночь, которой не было? Смешно. Было бы.

Если бы не было так грустно...

Прямо у дверей кабинета Его Императорского Величества мы столкнулись с графиней Лайзой, не знаю, как там её по фамилии и остальным именам, коих у неё, вероятно великое множество. Повисла неловкая и напряжённая пауза, вероятно, она, как и я, на такое не рассчитывала и не знала, что предпринять. Для меня это тоже было неожиданно и очень плохо — получается, она не успела выдать свою версию, где я её защищала, а значит, сейчас наплетёт какую-нибудь виртуозную ложь. И кто знает, кому предпочтёт поверить Император, даже если он и способен читать в душах.

Кажется, она хотела что-то сказать, но не успела, ибо охрана распахнула двери, и мы вместе бросились внутрь. Впрочем, я быстро одумалась и, подавив удививший меня саму порыв бежать искать защиты и справедливости у Него — и в самом деле, нашла у кого! — остановилась буквально в шаге от уже закрывшихся за моей спиной дверей.

— Выйди! — велел Ашш-Ольгар, и я, не успев ещё даже опуститься на колени, сделала шаг назад. Торжествующий взгляд Лайзы царапал и бесил невероятно, но спорить с Императором невозможно. — Не ты! Лайза, ты выйди! — вдруг произнёс он, и я, сделав шаг обратно — вперёд, преклонила колени и склонила голову, жалея, что не могу посмотреть, какой взгляд сделался у этой змеюки теперь. Мелочно и недостойно, не спорю.

— Сядь, — предложил Император, и я, поднявшись с колена, устроилась в том же кресле, что и вчера. Молча. Как сказать Императору, что его любовница хотела меня убить, я не представляла. Да и нужно ли? Вдруг Он решит исполнить её каприз?

На столе перед Императором лежала какая-то папка, и я, прочитав на ней своё имя — Ика Стайер — напряглась. Он меня в чём-то подозревает? Но я ведь ни в чём не прокололась, могла сделать глупость, но не сделала! И, кстати, как это ни парадоксально, не сделала благодаря графине!

— И что же вы с Лайзой не поделили? — спросил Император так, словно не сомневался, что я сейчас ответу «Вас».

— Не имею ни малейшего понятия, мой Господин, — ответила я, машинально потрогав засос. Эти Ваши игры, мой Император, совершенно не по мне.

— Зачем ты стремилась во дворец? — огорошил вопросом он, и я моментально забыла все свои мысли про игры. И заволновалась сильнее. Неужели и правда подозревает? Мне конец? Выйду ли я из этого кабинета? Надо что-то ответить, давай, Аника, придумай хоть что-нибудь, ляпни хотя бы, что какого придворного подцепить хотела... Нельзя молчать, когда тебя спрашивает Ашш-Ольгар!

— Все сюда хотят, мой Господин, — уклончиво ответила я. Ну, да, все. Потому что тут престижно, тепло и безопасно. Куда безопаснее, чем на улицах, ибо Император Ашш-Ольгар, как я в этом уже убедилась на примере несчастных заговорщиков, прекрасно способен защитить не только себя, но и весь дворец. А стража нужна ему для интересера.

— Тебе не скучно? — продолжил расспросы он, и по его голосу, как и по скрытому маской лицу, никак не понять было, к чему всё идёт. А смотреть в глаза я, как водится, боялась и избегала.

Скучно на посту мне бывало, это правда. Впрочем, прошедшие сутки скуку развеяли очень даже неплохо. Я даже не против теперь недельку-другую поскучать. Но ответить я не успела, он продолжил:

— Вот, — сказал он, и ко мне переместилась одна из папок с края стола — поглощённая

созерцанием папки со своим именем, все остальные я и не заметила, — это одно из дел того участка, которые Вик определил, как подозрительные, а то и точно сфабрикованные. Возмёшься? Если сделаешь хорошо, поговорим о твоём переводе в состав моей личной службы.

— Возьмусь, мой Господин, — быстро ответила я, хватая папку, и дело было вовсе не в моём рвении оказаться в личной службе, хотя это тоже было бы неплохо, а во внезапно предоставившемся шансе заглянуть в архив. Конечно, это совершенно разный уровень дел: то, за то казнили моих братьев и это местячковое из продажного участка, но если я справлюсь, мне ведь дадут и другое.

— Хорошо, — сказал он. — Иди.

— Да, мой Господин, — сказала я, послушно поднимаясь из кресла и отступая к дверям. Кажется, я не то чтобы забыла, но так и не сподобилась рассказать ему кое-что крайне важное. Но он не спрашивает! А я не могу так вот ни с того ни с сего начать рассказывать Императору, что его стражницу пытается кто-то убить. Как-то не тот уровень. Я протянула руку, чтобы распахнуть двери. Сами они почему-то распахиваться не пожелали. Ненадёжная эта их магия, то работает, то не работает... или же Император передумал меня отпускать.

— Кстати, — сказал Ашш-Ольгар, и я случайно встретилась с ним взглядом. Тут же опустила глаза, надеясь, что спишет на смущение. Покраснеть бы ещё! — У меня, кажется, не осталось ни одной официальной любовницы, — пожаловался он, и я невольно снова на него посмотрела. И — вот ведь незадача! — снова встретилась взглядом. На этот раз даже покраснеть получилось, опуская глаза, потому что он добавил. — Хочешь?

Я вспомнила разложенную на столе графиню, её описания многочисленных поз, и ответила максимально честно:

— Простите, мой Господин. Думаю, я не справлюсь! — И зачем-то добавила. — С технической стороны вопроса.

— Иди, — сказал он, магией распахивая передо мной двери, и — я почти уверена, что мне не послышалось — расхохотался.

ГЛАВА 6. Интриги, расследование и один скандал

Ночью мне приснилась тётя. Она грустно на меня смотрела, а затем покачала головой и отвернулась. И я поняла, что она не хочет на меня смотреть, потому что разочарована. У меня было уже несколько шансов попытаться его убить, или выдать заговорщикам, был шанс приблизиться, став любовницей, а что делаю я? Ничего. И более того, я почти что обожала его в тот момент, когда он появился в участке посреди допроса. И теперь мне за это просто невероятно стыдно. Как легко я забыла всё то, чем жила почти пять лет. Это странно, но с момента поступления на службу мне словно бы дышалось с каждым новым днём немного легче. Чёрная, удушающая ненависть, сжигавшая меня изнутри и свернувшая весь мир до одного единственного человека и мечты о кинжале в его сердце, начала отступать. И с одной стороны это делало мою жизнь куда более радостной, чем раньше, а с другой мне было стыдно. Нет, мой план отомстить никуда не делся, но, не ощущая привычных приливов злости при мысли об Императоре, я чувствовала себя последней дрянью, и уговоры самой себя, что «месть — это блюдо, которое подают холодным» как-то не помогали.

Так что проснулась я в прескверном расположении духа, ненавидя себя за слабование и бездействие ничуть не меньше, чем Ашш-Ольгара. А ведь надо встать и пойти, как ни в чём

не бывало стоять на каком-нибудь совершенно ненужном посту, вежливо улыбаться на туповатые шуточки напарника и делать вид, что я совершенно не замечаю любопытно-липких взглядов придворных. Надо хоть дело полистать — будет о чём подумать, подпирая очередные неиспользуемые двери... Вчера я не смогла — день был ужасно длинным и насыщенным, и вымотал меня невероятно.

Я быстро собралась и раскрыла папку. Но не успела даже имя заявителя прочитать — в дверь постучали, и я, после коротких раздумий и колебаний — всё же вчерашний день заставил о многом задуматься — отправилась открывать.

— Ика, — очаровательно и даже немного снисходительно-заискивающе улыбнулась высокая стройная женщина. Как котёнку или щенку. Который не нравится, как с ним обращаться — неизвестно, но по какой-то причине надо приманить. Естественно, я сразу напряглась. — Могу я войти? Мне надо поговорить с тобой!

Мне очень хотелось ей отказать, но это показалось проявлением даже не чрезмерной осторожности, а трусости. Я же стражница! Так что я неохотно кивнула, отступая вглубь комнаты и позволяя ей зайти.

— Как у тебя... мило, — сказала она явно заготовленную заранее фразу, но к концу голос дрогнул, ибо в комнате у меня было как угодно, но только не мило. Чисто и пусто — было бы вернее. У меня не было почти никаких вещей, даже одежды самый минимум — все пять лет обучения это всё не было мне интересно, ведь новое платье никак не приблизит меня к осуществлению мести, скорее даже отдалит — ибо я потрачу на эту бесполезную блажь то время, которое могла бы посвятить занятиям. И уж конечно у меня не было никаких безделушек, которые принято дарить девушкам, и которые потом гордые девушки выставляют на самое видное место в доме, показывая, насколько много у них поклонников, и как те щедры. Мне их не дарили, и я бы никогда не стала выставлять.

— Спасибо, — усмехнулась я. И, вопреки воспитанию, требовавшему предложить гостье стул, промолчала. В конце концов, я её не приглашала. И она до сих пор не представилась. О каком воспитании тут можно говорить?

— Я могу тебе помочь, — сказала она и выжидательно уставилась на меня.

Я невольно бросила взгляд на папку, разложенную на кровати, и поспешила собрать и прижать к себе. Хотя вряд ли она хочет помочь с расследованием...

— Я знаю, что Император проявлял к тебе определённый интерес, — продолжила она, не дождавшись от меня радостного согласия, на которое, видимо, рассчитывала. — И я подскажу, как вызвать его снова и даже развить! В перспективе ты сможешь даже претендовать на статус официальной любовницы!

Последнюю фразу она произнесла с каким-то благоговением и придыханием. Наверное, надо сделать заинтересованный вид? Говорить, что я практически отказала Его Императорскому Величеству не далее как вчера, полагаю, не стоит?

— Да-а? — переспросила я, мечтая, чтобы она скорее ушла.

— Да! — подтвердила она и, без приглашения устроившись на единственном в комнате стуле, снова устремила на меня выжидательный взгляд.

— И что взамен? — спросила я, начиная откровенно скучать. — Я должна буду выпросить для Вас пару Замков и титул?

— Нет-нет, ну что ты! — замахала руками и даже неискренне захихикала женщина. — Конечно же, нет!

— А что? — скучать я перестала и насторожилась.

— Мой муж и Император — друзья, — чуть подавшись вперёд, доверительно поведала она. — И мне Ашш-Ольгар тоже очень дорог! И мы очень за него волнуемся, ведь он иногда увлекается каким-нибудь проектом и совершенно себя не бережёт! Есть забывает, не спит... без охраны куда-нибудь ездит. Наш долг — о нём позаботиться. Но для этого надо, чтобы кто-то нам сообщил, что он опять забыл о себе в круговороте дел...

Я — наивная и глупая, совершенно неприспособленная к жизни при дворе, вчерашний день ярко это проиллюстрировал, но здесь даже я поняла, что меня вербуют стучать на Императора. И, судя по тому, как лихо Ашш-Ольгар вписался тогда на тайную встречу заговорщиков, идея должна ему понравиться! А у меня будет шанс показать свою преданность и, может быть, приблизиться.

— Говорите! — сказала я, продолжая машинально обниматься с папкой с так и неизученным ещё делом. — Что надо делать?!

Ещё одним сюрпризом этого дня стало место моего дежурства. То ли прошло положенное время, то ли Император счёл меня достаточно благонадёжной после совместной прогулки в логово заговорщиков, но мне достался малый тронный зал, где как раз сегодня проходили аудиенции. Причём мой пост был внутри!

Я догадывалась, что в присутствии Императора мне будет не очень-то спокойно, но не предполагала, что настолько. Мне казалось, что он просто-таки глаз с меня не сводит, хотя, наверняка, на самом деле это не так, и то, что поднимая взгляд, я всё время напарываюсь на встречный — это невероятные совпадения. От которых мне, правда, тоже весьма тревожно.

То, что шнуровка на моей форменной рубашке постоянно норовила развязаться и разойтись, обнажив куда больше, чем я была настроена демонстрировать, тем более на службе, мне тоже поначалу казалось случайностью и совпадением. Но, поправив её уже в третий раз менее чем за полчаса и наткнувшись на весьма заинтересованный взгляд Ашш-Ольгара, я поняла, что это Его Императорское Величество скучать изволит, вот и развлекается, как может. Хотя... наверное, он ещё и не так может. И я, если подумать, в общем-то, даже признательна Ему, что другие части моей одежды ведут себя смиренно. А то с него ж станется...

Желающие переговорить с Императором всё тянулись и тянулись, я перестала вслушиваться ещё на третьем просителе, кажется, это был граф, который никак не мог поделить с соседом спорный кусок земли, причём тяжба у них тянулась лет десять, как минимум. Ашш-Ольгар покивал возмущённому графу, сообщил, что разделяет его озабоченность судьбой этой земли и людей — ведь там же, вроде, деревня? В общем, разделяет, понимает... и забирает землю себе. Соответствующий приказ будет доставлен графу и его соседу в течение недели. Более не задерживаем Вас, граф.

Вероятно, он и в самом деле очень хороший волшебник, — мысленно вздохнула я. Если с таким способом решать дела до сих пор жив. Я уже поняла, что прямое и честное покушение отпадает. Остаются яды — говорят, извечное женское оружие, или же воспользоваться одним из постоянно плетущихся вокруг него заговоров и чуть-чуть помочь заговорщикам.

Сегодня Император был в сине-золотом, синий — вообще его любимый цвет, похоже, и я несколько раз ловила себя на том, что невольно люблюсь сочетанием красок — тёмно-синие одежды и ослепительно-белая коса, переброшенная через плечо. И извечная маска. Интересно, почему он всё-таки её носит? И как он выглядит? Что там, под этой маской?

Может быть, шрам? Ожог? Или всё-таки это дань защите, а не красоте?

Вынуждена признать, что подбородок у Императора ничего. Нет, ничего особенного. Но мне было бы легче и приятнее, выгляди он как-нибудь похуже. С редкой рыжей щетиной, например. Или смотрись он слабовольным... Про губы... не буду ничего говорить про губы, и смотреть на них не буду, вон какой пол возле трона красивый, а то Ашш-Ольгар заметил мой взгляд и кривится в довольной усмешке, а моя шнуровка опять упрямо выскальзывает.

Вошёл следующий проситель, вернее, просительница, и я моментально забыла и о шнуровке, и об ухмылке Его Императорского Величества, ибо это была дочка дель Нарго. Как бы ни хотелось мне сказать, что я моментально справилась с собой, и ни один мускул на моём лице не дрогнул, выдавая мою заинтересованность, но это не так. Дрогнул. И не один. Вся надежда на то, что Он сосредоточился в этот момент на самой дель Нарго... ну или, на крайний случай, на моём декольте, не без его участия образовавшемся.

— Мой Император, — прошелестела девушка, подбирая юбки и преклоняя колени. Странно. Высокородным дамам вроде бы достаточно глубокого реверанса, или я всё пропустила, пока была в училище, и теперь Он всех ставит на колени, без поблажек? Или же дочка дель Нарго — у меня совсем вылетело из головы, как её зовут, показывает таким образом, что она теперь — глава Семьи и пришла к нему именно в этом качестве?

— Вставайте, дель Нарго. Что привело Вас сюда? — весьма прохладно откликнулся Ашш-Ольгар. Словно бы и правда не догадывается. Бедная девушка. Холодный взгляд и холодный тон Императора — само по себе уже удовольствие не очень-то, а если ты ещё понимаешь, что судьба близких тебе людей зависит от каприза этого страшного человека...

Она поднялась, сделав ещё зачем-то и реверанс — возможно, чтобы Император оценил открывающийся в декольте вид. А что? Он, судя по всему, это любит.

— Я пришла просить Вашей милости, мой Император! — я не видела её лица, но уверена, что она кусает губы. И мне вопреки всему здравому смыслу хочется встать рядом с ней и тоже просить. Потому что я откуда-то знаю, что ничего у неё не выйдет. Впрочем, у меня тоже.

— Просить... — задумчиво повторил со своего трона — тоже малого, в соответствии с залом, но всё-таки трона! — У меня все просят. Хоть бы кто-нибудь что-нибудь предложил!

Не знаю, что именно имел в виду сетующий на всеобщую меркантильность Император, но дочка дель Нарго поняла его по-своему, в одном единственном, весьма интимном смысле, и, краснея и запинаясь, принялась оправдываться:

— Я... нет, я не могу! У меня жених... я не могу достаться ему не чистой... я...

Я с интересом покосилась на Императора — что-то часто ему девушки отказывают в последнее время! А Он, чёрт возьми, снова смотрел на меня. И вроде бы обращался к ней, но неизвестно, кому из нас двоих было адресовано в большей степени:

— Дель Нарго, поверьте, если бы я хотел Вас в своей постели, то Вы бы об этом уже знали!

Сложно не впасть в своеобразную гордыню, и не поверить, что это он мне. Сообщает таким образом, что и в самом деле хочет видеть меня в своей постели. Особенно, когда он так смотрит, словно бы и ответа ждёт не от неё, а от меня. Но я не сошла с ума — отказывать прилюдно, ещё и сообщить, как дель Нарго, что после близости с Императором стану грязной. Тем более, он ни о чём меня прямо не спрашивает. И это прекрасно. И пока прямо не спросит, я буду упорно делать вид, что не понимаю намёков, и вообще, ума не приложу, к чему это всё.

— Что тогда? — окончательно растерялась несчастная девушка.

— Не знаю, — чуть пожал плечами Император — вот же чёрт, я опять на него смотрю! — Ваш отец планировал нанести большой вред моей Империи, не говоря уже о вреде лично мне, предложите что-нибудь полезное!

Девушка растерянно замолчала и, кажется, начала плакать, по крайней мере, плечи её пару раз вздрогнули, и всхлип я вроде слышала.

— Не задерживаю Вас более, — ничуть не смягчился Ашш-Ольгар, и она, и правда плача, выбежала.

А я невольно представила себя на её месте. Даже не сейчас, а пять лет назад, словно мне пришлось бы просить за тётю Эльзу или же за братьев, а он с этакой насмешливой улыбочкой, отвергнув практически предложенное самое дорогое, что только есть у девушки — её честь, хотя данное толкование чести кажется мне узким и неверным, ну да ладно — начинает глумиться и требовать что-нибудь этакое придумать... но что тут придумаешь?

Стоит ли рискнуть и попросить мне? Помочь очень хочется, но где же та грань, когда собственные усилия и планы начинают цениться куда выше, чем целая чужая жизнь? Какова вероятность того, что, попросив за одного из заговорщиков, я отправлюсь вслед за ним в тюрьму и на костёр? Невелика. Я верю, что невелика. Тогда что меня удерживает? Неверие в успех? Боязнь как-то себя дискредитировать? Или обычная трусость? Ведь выползть из укрытия всегда сложно...

Я осталась стоять на месте, молча разглядывая уже следующего просителя и чувствуя себя самой настоящей предательницей. И я ещё возмущалась, что они не заступились за мою Семью. А ведь за каждым из них дети! Это у меня никого нет, а я всё равно не решилась. И, может быть, выдала себя — взгляд Ашш-Ольгара всё так же устремлён на меня, но теперь он скорее задумчиво-испытующий, нежели немного фривольный, как несколько минут назад.

К счастью, просители вскоре закончились. Вернее, закончилось время, отведённое на аудиенции, а так бы просители тянулись и тянулись — это стало понятно, стоило выйти из зала вслед за покинувшим его Императором. Не успевшие попасть на приём проводили быстро прошедшего мимо Ашш-Ольгара тоскливыми взглядами и стали разбредаться.

А я направилась в сад, где у меня был назначен «урок» с моей утренней гостьей. Чувствовала я себя странно. Император так настойчиво и так интенсивно меня рассматривал всё утро, что казалось невероятным, что смог совершенно обо мне забыть, как только покинул зал. Но он не позвал меня с собой, не велел прийти вечером, ничего... и с одной стороны, это хорошо, а с другой сбивает с толку и заставляет гадать — мне всё же померещилось повышенное внимание, али нет? И что я такого сделала, что оно куда-то делось? И почему это меня начинает волновать не только в том контексте, чтобы отомстить побольнее? Хотя и в этом, конечно же, тоже. Бесспорно.

— У тебя есть хоть одно платье? — «взяла быка за рога» моя наставница в нелёгком деле соблазнения Императора. А хотя почему же нелёгком? Я вот ничего не делала, а уже и сомнительное предложение получила, и засос, и прочие домогательства...

— Нет, — честно ответила я, заранее морщась и ожидая, что она потребует купить. А покупать мне не то чтобы не на что — всё-таки дворцовой страже платят более менее прилично, но рассчитывать я могла только на платье уровня горничной. На то, чтобы пошить что-нибудь уровня придворной дамы, потребуется оплата не за один год...

— И тебе не на что его заказать? — участливо догадалась дама. Кстати, так и не представившаяся дама.

— Не на что, — кивнула я, любясь фонтанчиком и начиная жалеть, что в это ввязалась. И Императору опять же пока не было случая сказать... Надеюсь, она не будет сейчас совать мне деньги или свои старые платья? Не знаю даже, какой вариант раздражает меня больше. Но дама произнесла совершенно другое, и ей удалось по-настоящему меня удивить:

— Вот список книг, которые тебе надо прочитать!

— З-зачем?! — вытаращилась я на неё. Нет, я помню, по рассказам Лайзы, Его Императорское Величество — тот ещё затейник, но неужто он заставляет любовниц цитировать ему отрывки из книг во время этого? И что всё-таки произошло с самой Лайзой, неужели она и правда потеряла статус официальной любовницы?

— Мы, кажется, уже обговаривали зачем! — одарила меня раздражённым взглядом самонавязавшаяся наставница. — Возьмёшь их здесь, в библиотеке.

Она ушла, а я подошла к фонтанчику и подставила руку под тоненькую струйку — одну из сотен, разбрызгиваемых стоящим в центре драконом. Вода приятно холодила руку и, кажется, помогала думать. Когда эта женщина пришла ко мне утром, я была уверена, что речь пойдёт о советах уровня: демонстрируй ему побольше тела, и он весь твой. Но, видимо, я серьёзно недооценила и её саму, и её планы на меня. Возможно, мне готовится совсем не та роль, которая была озвучена... и это надо будет выяснить, но сначала дело, порученное Императором. Пора бы уже начать.

Доставшееся мне дело оказалось настолько очевидно-простым, что я даже решила, что Ашш-Ольгар таким образом изопрённо издевается и намекает на мою недалёкость и глупость. Хотя это слишком самонадеянно, конечно же, считать, что сам Император будет тратить на это время. Скорее всего, он взял первое попавшееся дело... Но, может, и хорошо, что оно простое. Мне ведь всё равно, на каком деле выслуживаться.

Всё началось с заявления девушки, на тот момент — четыре года назад — ей было около двадцати двух лет, и жаловалась она на злостные домогательства и посягательства на её честь со стороны богатого и знатного соседа. Естественно, ход делу не был дан. Тут даже и проверять-то нечего, просто грустно и как-то муторно становится... но я проверю. Если смогу отыскать эту бедную женщину. Я бы предпочла начать опрос именно с неё, но по указанному адресу она уже давно не жила, и никакой информации о ней у новых жильцов не было, так что, придётся, видимо, начать с самого соседа. К счастью, ни к одной из старейших семей он не принадлежал, но всё равно был слишком знатен, чтобы простая стражница могла разговаривать с ним на равных, так что предчувствую, что после разговора буду ощущать себя как минимум оплётанной...

Вопреки моим опасениям, граф был любезен, вежлив и предупредителен, и ровным счётом ничего не изменилось в его поведении, когда я изложила причину своего визита. Он разве что вздохнул.

— Катарина Уайт, — повторил имя девушки и снова вздохнул. — Вы знаете, Ика, история очень странная.

— Я люблю странные истории, — немножко подтолкнула его я, так как он, сделав это интригующее заявление, замолчал. Я ждала, уверенная почему-то, что легко поймаю его на лжи. Он задумчиво скользнул по мне взглядом и продолжил.

— Нас познакомил мой хороший друг, он был тогда без ума от неё, и, разумеется, я даже и не думал вставать между ними. Да и вообще, я как раз был в Оливию дель Нарго влюблён, так что другие девушки не вызывали у меня какого-то особого интереса... я даже не очень-то помнил, как она выглядит, пока она не начала меня преследовать.

— Она начала преследовать Вас? — не удержавшись, переспросила я. Трудно поверить. Граф, конечно, не урод, но и на рокового красавца в моём представлении совершенно не тянет. Так чего вдруг? Ради денег и положения в обществе? Но почему не приняла просто ухаживания этого самого друга? Разве что друг беднее?

— Согласен с Вами, Ика, звучит удивительно, — ничуть не обиделся на мой не самый вежливый порыв граф дер Бертрин. — Тем более что мой друг куда богаче и знатнее, но она почему-то и в самом деле прицепилась ко мне. Сначала намекала. Я, не желая ранить её гордость, намёков упорно не понимал. Затем стала напрямую звать на свидания, стоило нам оказаться в одной компании, а другу отвлечься... ну и наконец, пригрозила скандалом и арестом, если я на ней не женюсь. Я думал, что она блефует, даже с другом разговаривать об этом не стал... а на следующий день пришли стражи и стали задавать вопросы. Я тогда... — он слегка замялся, но всё-таки признался, — немного простимулировал их нежелание что-либо делать по этому поводу, но, уверяю Вас, справедливость от этого никак не пострадала!

Несмотря на предубеждение против графа, вынуждена признать, что говорит он убедительно. Даже вон во взятке признался...

— А Вы не знаете, где она сейчас? — спросила без особой надежды, просто для порядка, уверенная, что не знает, ну или скажет, что не знает.

— Хотел бы я не знать! — воскликнул мой собеседник, и я заинтересованно подалась вперёд. Что бы это значило? — Мы теперь родственники! — удивлённо, словно сам себе до конца не веря, пояснил он. — Она тогда исчезла, а через полгода я получаю приглашение на свадьбу одного из моих троюродных племянников, и угадайте, кто невеста?!

— Ого, — сказала я, честно говоря, теряясь, подозревать ли Катарину Уайт в умысле, или это просто такая шутка судьбы?

— Да! — граф в волнении вскочил с кресла и стал нарезать круги по гостиной. — Я вызвал её на разговор. Предлагал ей отступное — хорошую сумму, очень хорошую, с ней она могла бы позволить себе гораздо больше, чем сейчас, будучи замужем за Лейсом... но она отказалась. Была такая вся из себя милая и смущённая, извинялась за своё поведение, говорила, что это от отчаяния и большой любви было, а потом она встретила Лейса, всё осознала и поняла, любит его больше жизни и всё такое. На колени упала, умоляя позволить ей сделать его счастливым и не губить их брак... и я сдался. Никому ничего рассказывать не стал. И теперь иногда мы встречаемся на семейных сборищах... она меня избегает, и я её тоже.

— Так где я могу её найти? — озадаченно нахмурилась, понимая, что дело в реальности либо намного проще, чем я себе придумала, либо наоборот — сложнее. Жаль, сегодня я не успею посетить Катарину саф Бертрин, я уже и к графу-то пришла немного позже времени, приличествующего для деловых посещений. Придётся отложить на следующий выходной, который не очень-то понятно, когда будет — с моими сменами творилось что-то странное, их перетасовали, теперь у меня иногда было занято всего полдня, как сегодня, а иногда — куда больше стандартного времени одного дежурства. Это крайне неудобно, но, кажется, это плата за близость к Императору. Непонятно только, в чём преимущества, если не брать в расчёт возможность навредить, возросшую с нуля до крайне малых значений. Бесконечно малых, я бы сказала. Но это лучше, чем ничего.

После ужина я отправилась в библиотеку. Подборка книг, рекомендованная к прочтению, была крайне странной. Если бы там было что-то типа «Сильнейшие яды», у меня

бы не было никаких сомнений, что это подстава. Но там была история. Причём как недавняя, так и довольно-таки древняя. И ещё несколько книг по магии, судя по всему. Эта область была для меня пробелом, за исключением обязательного минимума, данного в училище. Вообще, я понимала, что знания, хоть и сугубо теоретические, всё равно стоило бы приобрести, но не смогла. Мне было слишком больно вспоминать, что этой самой магии я навсегда лишена. Я сразу начинала чувствовать себя инвалидом, как будто бы это не магии нет, а руки или ноги. Вот и сейчас — к горлу поднялся тугой комок, а глаза предательски защищало, и тут же всколыхнулась злость к Императору. Впрочем, в этот раз она пришла не такой слепой и безрассудной волной, как раньше, и вместе с ней появился вопрос: почему тётя поступила именно так? Неужели не было никаких других вариантов? И почему же она мне ничего не объяснила? И самое странное — почему до этого у меня не возникало всех этих вопросов? Словно бы пружина, сжимающая меня все пять лет, и заставляющая ничего не видеть и не испытывать, кроме ненависти и злобы, износилась и стала потихоньку слабеть. И вдруг становится страшно — а может, это чары Императора? Может быть, амулет стражника подавляет мою волю и поглощает ненависть, постепенно превращая в преданную и покорную рабыню? Как понять? Как проверить? Как защититься?..

В библиотеке предсказуемо никого не было. Мне вообще кажется, что это далеко не самое популярное место во дворце, а уж вечером... разве что как комната для уединения во время какого-нибудь бала, но балов за всё время моего пребывания здесь не было. Говорят, Ашш-Ольгар не любит балы, ему ненавистно, когда кто-то веселится и развлекается. Впрочем, менее радикальная версия — что ему просто жалко на это денег, казалась мне более правдивой. Денег и времени. И в этом его даже можно понять.

Я не спеша собрала книги — стопочка получилась внушительной, хоть нашла я и не все. Никакой записи книг не было, они считались все имуществом Императора, и во дворце не нашлось бы, пожалуй, ни одного человека, рискнувшего прикарманить Его вещь. Или же они все очень хорошо маскировались, только поэтому и выжили...

А когда я вернулась в свою комнату, там меня ждал... мужчина. Абсолютно голый. И спящий на моей кровати. Устал ждать и уснул? В том, что он именно спящий, а не мёртвый, я была уверена — периодически мужчина издавал негромкий, но весьма залиvistый храп. Какого чёрта?! — растерянно спросила я у самой себя, и подумала, что надо, наверное, что-то делать, вот только понять бы, что именно... но ничего сделать не успела.

Дверь распахнулась — я была так поражена неожиданным гостем и его видом, что как-то и не подумала запереть замок, и в мою комнату вбежала невысокая, немного полная женщина в чрезвычайно богатом платье. Увидев мужчину, она взвыла, а потом бросилась ко мне, кажется, собираясь вцепиться мне в волосы. Я инстинктивно ускользнула, пытаюсь решить — стоит ли оправдываться или пусть сначала выговорится? От криков женщины проснулся и мой гость, судя по всему, её муж, отец её четверых детей, насколько я поняла из потока брани в мой адрес, выплёскивающегося из этой, явно принадлежащей к самому высшему свету, женщины. Мужчина растерянно огляделся, потянулся за брюками, кем-то аккуратно сложенными в уголке кровати, но опоздал — в комнату ввалилось ещё трое придворных дам, отчего места совсем не осталось, и теперь они голосили все вчетвером, так, что у меня закладывало уши. У так и не успевшего одеться мужа, кажется, тоже, но мне, как вы понимаете, жалко его не было. Ни капельки.

— Вон! — рывкнула я на них, удивляясь собственной смелости и бесцеремонности. С другой стороны, они все без приглашения вторглись в мою комнату. Встреться мы в коридоре

или ещё хуже — в комнате кого-то из них, и я была бы полностью бесправна, но это всё-таки моя территория, и право на неприкосновенность жилища никто не отменял. По крайней мере, в теории. На практике же... сомневаюсь, что я могу сделать хоть что-то, что ухудшит моё положение. Разве что выволочь эту несчастную женщину в коридор за волосы. Она уже по третьему разу крыла меня словами с крайне негативной окраской, и жалости к ней в моей нетерпеливой душе оставалось всё меньше, а желания никогда её больше не видеть, или хотя бы, чтобы она заткнулась и ушла, забрав своего невнятно что-то бляющего мужа, всё больше. Особенно меня злило то, что этот самый муж у неё получался ни в чём не виноват. Это я, подлая ведьма — ах, если бы! — приворожила, околдовала и толкнула на непотребное. Как же. Этого вельможу я помнила визуально очень даже хорошо, хоть и не пожелала узнавать его имя — он паялился на меня особенно маслено. Да и не только на меня, если уж на то пошло. Он на любую женщину моложе пятидесяти паялился. И, конечно же, все они ведьмы и места себе не находят, как бы это такое сокровище соблазнить. Тьфу!

— Уходите! — повторила я, умудрившись вклинить в небольшую паузу, как раз после «я добьюсь, чтобы Император тебя не просто вышвырнул, а отправил в бордель, где тебе самое место!». Впрочем, могла бы и не стараться — безрезультатно. Желание применить силу стало почти непреодолимым, и я, подхватив книги, ушла сама, от греха подальше. Тем более что на шум уже сбежалась и прислуга, и мои сослуживцы и даже ещё несколько придворных.

Чудесные деньки у меня начались, ничего не скажешь.

ГЛАВА 7. Аника дес Аблес

Я намеревалась заночевать в библиотеке, но меня неожиданно приютили служанки. Оказывается, история с Гильермо сделала меня героиней в их глазах, и от этого мне было неловко. Я бы ещё как-то пережила, если бы они это упомянули вначале и всё, но они возвращались к этому постоянно, весь вечер до того, как мы улеглись спать, и ещё всё утро. Впрочем, после завтрака появилась другая тема для разговора, куда более животрепещущая.

— Она потребовала при всех, чтобы тебя заклеямили как шлю... ой. В общем, чтобы заклеямили по старинному обычаю, который уже десять лет не применяют, и отдали в бордель! — взволнованно доложила мне молоденькая и крайне эмоциональная Динна. Она прислуживала на завтраке, и теперь прибежала поделиться новостями. Сама я, честно говоря, выходить немного трусила — сегодня у меня опять был выходной, перед тремя днями смен, но теперь уже и непонятно, стоит ли попадаться кому-нибудь на глаза, или надо просто тихо валить. Чувство юмора у Императора своеобразное, так что рассчитывать на его милость не стоит.

Я вздохнула и, невольно стиснув руки, приготовилась слушать дальше.

— А Император... Император! — тон Динны стал восторженным, то ли от упоминания Ашш-Ольгара, то ли потому, что он — хочется на это надеяться — отказал этой безумной женщине в её не менее безумных требованиях.

— Ну? — поторопила я её, чувствуя, что сил моих больше нет терпеть эту неопределённость, как и то, что я сейчас завишу от своего врага.

— Он сказал, что никуда тебя не отдаст, и вообще, сам лично за тобой присмотрит! — радостно выпалила девушка, а я закашлялась, подавившись на редкость вкусной булкой — со стола Императора, не иначе. Сам лично присмотрит — звучит пострашнее клейма и борделя.

— Ты сама слышала? — спросила я, лелея надежду, что на самом деле он сказал что-то другое. Например, что рассмотрит это дело, а пока, до рассмотрения, никуда меня не отдаст. Это было бы куда лучше. А так получается, что Император решил использовать меня в качестве живца.

У меня ведь была целая ночь, чтобы обдумать события вчерашнего дня, и я пришла к следующему: ясно, что мой незванный гость — подстава. Причём не удивлюсь, если он был пьян или под магическим дурманом — говорят, это новая фишка — и ничего не помнит. Жена его, как и придворные дамы, вопила весьма искренне, так что, полагаю, постановщик этого скандала лично на сцене не появился. Но цель более менее ясна — убрать меня из дворца. Вот только кому я уже успела помешать? Какая-нибудь претендентка на место официальной любовницы Императора узнала, что Он мне предлагал, пусть и в шутку? Да, я уверена, что это он в шутку, потому что захоти он действительно меня в свою постель, я давно была бы там, пусть и без желания. Императору не отказывают, и он прекрасно об этом знает. Возможно, действительно какая-нибудь резвая дамочка, метящая в любовницы. Но тогда непонятно, зачем в это ввязываться Ашш-Ольгару?

И есть ещё эта непонятная дама, которая взялась меня учить, вроде бы как стать любовницей Императора, но на деле — вообще неизвестно чему. И зачем.

— Сама слышала, — отозвалась Динна. — Я так за тебя рада!

— Спасибо, — как можно ровнее улыбнулась я, потому что тянуло улыбнуться кисло, а то и вовсе скривиться. Быть живцом — радость, прямо скажем, весьма сомнительная.

И я уже почти не удивилась, когда буквально тут же вбежала другая служанка, кажется, Санша, и выпалила, глядя на меня со смесью страха и восторга:

— Ика, тебе велено явиться с вещами к Императору!

С вещами. Это значит, что Динна всё-таки ошиблась, ослышалась? Или Он потом передумал? Что смогла предложить ему эта богатая и нервная дама? Потом, за закрытыми дверями. Она ведь не просто так была уверена, что убедит Его. Вот, видимо, и убедила... Вещей у меня в принципе было немного, и ничего настолько ценного, чтобы возвращаться в свою бывшую комнату. Почему-то теперь я уверена, что в бывшую. Там, наверняка, уже пол двора побывало, как на экскурсии, все мои вещи по десять раз перерыты и осмотрены, вдруг нашлись бы какие-то ещё улики, добавившие скандалу остроты. Так что я даже заходить туда не буду, противно.

Я выпросила у добрых девушек, и так сделавших для меня неожиданно много, тканевую сумку и спрятала туда книги. Понятно, что это не такой уж секрет, и кому надо, тот узнает, что именно и когда я взяла из библиотеки, но лишний раз светить не хотелось. Мелькнула даже мысль оставить здесь, в комнате, но я от неё отказалась — если дело тут нечисто, а в этом я почти что уверена, то подставлять девушек негоже.

Вот так вот, только с книгами в сумке, которую я старательно держала за спиной, я и предстала перед Ашш-Ольгаром. Почему-то не в кабинете. В спальне.

— На тебя жалуются, — сказал Он, и я смиренно согласилась:

— Да, мой Господин.

Но на самом деле я испытывала далеко не смирение, а злость. Причём не столько на ту чокнутую женщину, что с неё взять, сколько на Императора. Ведь он-то, наверняка, знает правду, ну или может узнать, если соизволит хоть немного себя этим затруднить, но нет же! Вместо этого он так и держит меня, застывшей на одном колене, не давая позволения встать, заставляя моё слишком трусливое, вероятно, сердце замирать от дурных предчувствий и

страха.

— Не будешь оправдываться? — спрашивает Ашш-Ольгар откуда-то из-за моей спины. Моё больное воображение на какой-то миг даже рисует его с клеймом, но это, конечно же, бред, ведь именно он этот обычай и отменил. Вернее, говорят, что он хотел клеймить обе стороны — и «падшую» женщину, и мужчин, которые её услугами пользовались. Понятно, что такой вариант не прошёл.

— Как прикажет мой Император, — ответила я, подавив желание огрызнуться, что я даже не очень-то в курсе, в чём конкретно меня обвиняют.

— Вставай, — сказал Он. — Останешься здесь.

Я встала, растерянно оглянулась. Где здесь? Вот прямо тут, на том месте, где стою? И что я буду тут делать? Ждать, пока он вернётся и решит мою судьбу? Или что?

У меня было ещё много вопросов к мирозданию, то есть в никуда, но все они стремительно схлынули, как только Он оказался рядом. Очень близко. Слишком близко. И все мои душевные силы ушли на то, чтобы не отшатнуться, потому что страшно. Кажется, так близко он не стоял даже тогда, когда наградил меня засосом для конспирации, а может, всё дело в том, что теперь он стоит прямо передо мной, и это ощущается, как вторжение в личную зону, мне мучительно хочется увеличить дистанцию, хотя бы на полметра, а лучше бы метра на три-четыре. Однако я стою, не шевелясь и даже почти не дыша, не хочется выдавать свою панику частым и поверхностным дыханием. Сейчас он прикажет поднять на него глаза и прочтает, наконец, мои сумбурные и совершенно не верноподданнические мысли, и всё. Конец Ике Стайер. В пыточную к дель Нарго и остальным...

— Мы с тобой поговорим, — задумчиво обронил Император, и мне послышалась отчётливая угроза. Но задуматься об этом я толком не успела, потому что он добавил. — Но сначала сходим на бал в честь двадцатилетия Аники дес Аблес.

Остаться безучастной и невозмутимой я не смогла. Спросила, чувствуя, как мгновенно становится нечем дышать, и пол начинает шататься под моими ослабевшими ногами:

— Что?! Чьего двадцатилетия?!.. — И в безнадежной попытке сгладить, добавила. — Мой Господин.

— Аники дес Аблес, — повторил Ашш-Ольгар, и по глазам его — а я, оказывается, уже некоторое время смотрю прямо ему в глаза, было совершенно не понять, что происходит в его голове. — Знаешь её?

— Нет, мой Господин, — уже немного взяв себя в руки, отвечаю чистую правду и поспешно опускаю глаза. Если это не шутка жестокого Императора, ту, которая завтра будет праздновать двадцатилетие в особняке дес Аблес, я и в самом деле не знаю. Но очень, очень хочу узнать! И на бал пойду, под любым предлогом, в любом качестве, которое только Ашш-Ольгар сочтёт нужным, хоть любовницей, хоть стражницей, хоть ручной болонкой... хотя нет. Болонкой всё же нет.

— Ну вот, завтра и познакомитесь, — спокойно пожимает плечами всё ещё слишком близко стоящий Император и — хвала Небесам! — делает-таки шаг назад.

— Да, мой Господин, — отвечаю я, и, видимо, слишком явно сквозит в моём голосе облегчение, и его невозможно не услышать.

— Почему ты не хочешь быть моей любовницей? — прямо спрашивает Ашш-Ольгар, и пол качается подо мной уже второй раз за утро.

И в самом деле, почему? Потому что я планирую убить Вас, мой Император! — на хороший ответ как-то не тянет. Лепетать, что недостойна такой чести — тоже сомнительный

вариант. Может быть, сказать, что у меня уже есть возлюбленный? Но этого, кажется, Ашш-Ольгар просто не поймёт — у него по две официальные любовницы чуть ли не в каждом крупном городе. По крайней мере, так говорят.

— Простите, мой Господин, — так и не найдя компромисс между уважительной для него причиной и собственной безопасностью, произношу я, предчувствуя — в который раз за только начавшийся день! — недоброе.

— Вообще-то, у тебя уже нет выбора, — подтвердил мои предчувствия Ашш-Ольгар и покинул комнату.

Мне понадобилось минут десять, чтобы как-то осознать всё сказанное, и ещё почти столько же, чтобы решиться подойти к выходу и предпринять полностью безуспешную попытку им воспользоваться. Он меня запер. И хотя в самом дворце мне всё равно пойти абсолютно некуда, есть ещё мир и за его пределами, и хотя бы то же самое расследование, которое Он сам мне и поручил...

Принесённые с собой книги успокоиться не помогли, наоборот! Стоило мне открыть показавшуюся самой безобидной книгу по новейшей истории и задумчиво полистать, как в глаза бросились кем-то заботливо выделенные абзацы, где речь шла о Семье дес Аблес. Дес Аблес!!! Книга мгновенно превратилась для меня в змею, или ещё вернее, в смертельное проклятие замедленного действия, которое непонятно когда шархнет. Какая же я дура, что не просмотрела книги сразу, там же в библиотеке! Или хотя бы перед тем, как тащить их в Его покои. Конечно, я не предполагала такого развития событий, что мне придётся остаться в спальне Императора на неопределённый срок и с неопределёнными... или же наоборот, очень даже определёнными перспективами, но всё равно. Думать надо было, Аника... или, вернее, Ика, ведь имя твоё, оказывается, уже давно носит другая. Тётя Эльза, как же так?!

Когда запахнулась дверь, я вздрогнула и почувствовала себя застигнутой на месте преступления, хотя книгу давно убрала обратно и просто тупо пялилась в окно — вид, надо сказать, отменный. Здесь вообще красивый сад. Когда Альмар был ещё свободной страной, здесь проходили Советы Семей, и я точно знаю, что в саду девять фонтанов — по количеству старейших Семейств, они, фонтаны, даже имена соответствующие носили... но теперь об этом, кажется, лучше не вспоминать.

Кажется, Император не шутил, или же шутил с размахом — вошедшие явно собирались в срочном порядке изготовить для меня платье, в котором я и пойду на завтрашний бал. И никаких сомнений не выказывали, что пойду я туда в роли Его официальной любовницы. Доигралась, Ика. Вот и приблизил тебя Ашш-Ольгар, а плана у тебя как не было, так и нет. Зато вместо этого куча вопросов, непозволительные сомнения в тёте и в себе и дикий страх перед грядущей ночью.

Тот факт, что днём мне принесли еду, и то, какая именно еда это была — не помню уже, когда я такие шедевры кулинарии видела, вызвало с моей стороны ещё больше тревоги.

Следуя какому-то странному упрямству, я ела только самое простое — морс и хлеб, и ещё старательно избегала даже приближаться к кровати. Глупо, но мне казалось, что стоит хотя бы коснуться её, и всё, я словно бы приму свой новый статус. Хотя вряд ли все эти суеверия мне как-то помогут, когда Он вернётся.

Кроме еды мне принесли ещё и вещи из моей бывшей комнаты, и вряд ли об этом позаботился Император, скорее, кто-то из служанок. И мне теперь даже немного стыдно перед ними за своё безразличное и обезличенное отношение — его я переняла ещё в детстве от тёти, и как-то не задумывалась об этом, хоть и давно уже сама не принадлежу к высшему

сословию. Семья дес Аблес никогда не обижала слуг, просто они были «другими». Их можно было о чём-то попросить в рамках их обязанностей, но совершенно неприемлемо было с ними советоваться или ожидать от них какой-то инициативы...

День тянулся невыносимо долго, вроде бы и не самый длинный день в году по календарю, но совершенно бесконечный для меня лично. И в какой-то момент я устала бояться и обмирать от любого звука — а вдруг уже идёт Он, да и накопленная усталость предыдущих дней и ночей дала о себе знать, и меня стало клонить в сон. От унижительного размещения на коврик меня спасло кресло, я забралась в него с ногами — мебель у Его Императорского Величества масштабная во всех помещениях, и, свернувшись калачиком, уснула, подложив под голову свои же вещи. Книги в сумке ютились на полу рядом, и, несмотря на великолепие обстановки, а может, как раз благодаря ей, я чувствовала себя бедной и бесправной, как никогда.

— Итак, где он? — раздался голос Императора, и я до конца не уверена — то ли он дожидался, пока я проснусь, то ли вопрос меня и разбудил.

Уже стемнело, но я прекрасно его вижу — сидит в кресле напротив, в неизменной маске, и рассматривает меня в упор. Я подавила желание затолкать сумку с книгами за своё кресло или как-нибудь ногами прикрыть и, нарушив этикет, — спросонья не сообразила вскочить и бухнуться на колени, спросила:

— Кто, мой Господин?

И только после этого осознала, что как-то уж очень вольготно устроилась в присутствии Императорского Величества.

— Сиди, — сказал Ашш-Ольгар, упреждая мой порыв вскочить. И пояснил. — Список.

— Какой список, мой Господин? — спросила я, чувствуя себя совершенно несчастной и глупой — неужели он говорит про список книг? Но зачем ему список, если они сами все тут, около меня. Ну, почти все...

— Список условий, на которых ты станешь моей, — терпеливо и чуть насмешливо пояснил он. И мне было бы спокойнее, ненамного, но всё же, если бы он после «моей» добавил ещё «официальной любовницей», а то слишком многое можно в это вот «моей» вложить.

— У меня нет списка, мой Господин, — честно ответила я. Но он понял меня превратно.

— Думай быстрее, Ика Стайер. Я не привык долго ждать.

Не буду врать, что я даже и мысли не допустила о том, чтобы составить некий список и отдаться-таки этому не привыкшему к отказам мужчине. Допустила. Я даже попробовала себя уговорить. Ведь и правда, Аника, сама судьба даёт тебе такой шанс приблизиться и отомстить, миллионы женщин делают это — спят с кем-то без любви, а ты как какая-то монашка цепляешься за свою несчастную девственность, и скоро разозлишь Императора так, что он и не подумает спрашивать твоего согласия и осведомляться о твоих условиях... Но стоит подумать о том, что Он будет ко мне прикасаться, что вообще кто-то чужой и незнакомый будет ко мне прикасаться, и сразу же малодушно не хочется ничего. Ни мести, ни замков, ни чего бы то ни было ещё.

— А если списка так и не будет, мой Господин? — спросила, отчаявшись себя пересилить.

— Я буду очень расстроен, — сказал Ашш-Ольгар. И чёрт его знает, то ли и правда никакой угрозы в голове не прозвучало, то ли мне очень не хочется слышать. Но спросить «и

чем мне это грозит?», наверное, уже верх наглости.

— Простите, мой Господин, — говорю я, не желая оттягивать неизбежное. — Списка не будет.

— Сиди, — снова останавливает он, когда я пытаюсь встать из кресла, рассудив, что теперь мне делать тут нечего и надо проваливать, пока можно. — Это ничего не меняет... — я успеваю покрыться холодным потом, но он добавляет, — внешне. И можешь спать на кровати, я вовсе не набрасываюсь без разбора на всё, что там лежит.

— Да, мой Господин, — покорно согласилась я, с удовольствием наблюдая, как он встаёт из кресла и выходит в дверь, ведущую в кабинет. Надеюсь, работы ему хватит на всю ночь. И на не одну!

Впрочем, очень скоро мне становится скучно, и я, ведомая каким-то шилом в одном месте, не иначе, толкаю дверь в кабинет, с равной вероятностью ожидая увидеть как работающего Императора, так и разложившего на столе очередную графиню. Но нет, на столе только какие-то бумаги, а под стол я заглядывать не буду.

— Что? — не отрываясь от бумаг, спрашивает Ашш-Ольгар.

— Я могу чем-то помочь? — предложила неожиданно для самой себя. Но скука и в самом деле ужасная. И ещё мне нужен предлог для доступа в архив. Чем больше ко мне возвращается способность думать, тем страннее кажутся мне произошедшие с Семьёй дес Аблес события.

— Можешь, — неожиданно соглашается Он. Кивает на кресло, и, как только я там устраиваюсь, в руки мне падает пачка толстых и благоухающих всякими разными духами писем. — Выбери мне вторую любовницу! — приказывает Император и усмехается, бросив взгляд на моё опарашенное лицо. — Выбирай похожую на себя, не ошибёшься.

Мысль отказаться мелькнула и пропала.

— Да, мой Господин, — подчёркнуто спокойно произнесла я и вскрыла первый конверт.

Ну... что тут скажешь. Женщины нынче пошли нескромные, напористые и знающие себе цену. Периодически я не могла удержаться и бросала любопытные взгляды на Императора — неужели так, как пишут эти женщины, и правда можно, и неужели он и в самом деле это практикует? Бросала, пока не заметила, что Ашш-Ольгар отложил бумаги и насмешливо за мной наблюдает.

— У Вас есть какие-то конкретные пожелания, мой Господин? — решаю всё-таки уточнить. Насчёт «выбери похожую на себя», это ведь он пошутил, да?

— Есть, — кивает мой венценосный собеседник. И начинает перечислять, скользя по мне взглядом. — Зеленоглазая, темноволосая, рост чуть выше среднего, стройная... стражница Ика.

— Тут, — выразительно взмахиваю пачкой портретов, вытащенных из писем, запрещая себе смущаться, но всё равно заливаясь краской, — такой нет. Простите, мой Господин. Вот, рассмотрите, например, леди Лику. Она пишет, что в совершенстве владеет парой десятков каких-то особых поз и... ещё каким-то тайным искусством. Гарантирует, что Вам с ней будет хорошо.

Вообще-то, леди Лика приводила и названия тех самых поз и то искусство, которым владеет, но так как названия мало что мне говорили, я моментально всё забыла.

Листок с письмом упомянутой леди переключал в руки Его Императорского Величества и тут же вспыхнул, осыпаясь горсткой пепла.

— Нет, — сказал Он.

— Тогда леди Найну, — не сдалась я. — Она отличается феноменальной гибкостью и...

Один взгляд, и письмо леди Найны также съедает огонь.

— Леди Кринна? — уже без особой надежды предлагаю я. — У неё глаза зелёные...

Зеленоглазая блондинка удостаивается чуть более пристального внимания — всего на долю секунды дольше, и повторяет судьбу других кандидаток. И от этого мне снова становится здорово не по себе. Кажется, он сейчас отвергнет их всех, а потом устанет требовательно на меня своими серебряными глазищами и велит раздеваться, ибо другую любовницу я ему подобрать не смогла, а предаться разврату Его Императорскому Величеству хочется!

И в самом деле, письма вспыхивают одно за другим, и я всё больше нервничаю, а ему, похоже, всё веселее.

— Насколько широко простирается твоё «нет», Ика? — очень вкрадчиво спрашивает Император, и мне хочется крикнуть, что очень-очень широко, буквально на всё, потому что иначе, кажется, он сейчас прикажет мне сделать что-нибудь этакое... но я почему-то молчу, вперив взгляд в стол. Радует одно — говорят, интерес Ашш-Ольгара крайне недолговечен. Так что надо продержаться неделю-две, и он забудет про меня... От необходимости отвечать меня спас заглянувший в кабинет Вик, очевидно, принёсший какие-то новости, которые Император ждал, ибо он моментально потерял ко мне интерес, и я, пользуясь случаем, сбежала в спальню, в уже почти родное мне кресло. Делить с Ним кровать я не собиралась. Ни за что.

Я была уверена, что не засну. Буду бдиль всю ночь, охраняя свою честь, на которую Ашш-Ольгар всё-таки, похоже, покушается. Вздрагивать от любого скрипа, шороха и даже просто излишней тишины. Но, разумеется, при этом буду изо всех сил изображать спящую, потому что как вести себя с Императором в его спальне — совершенно неясно.

Однако за всю ночь я не проснулась ни разу, и даже не знаю, когда пришёл Ашш-Ольгар, может, он вообще всю ночь опять бродил по городу и сомнительным сборищам и, едва вернувшись, принялся меня будить...

— Ика, — позвал Император, кажется, уже не в первый раз. Ему, естественно, наплевать, что его нынешняя игрушка вообще-то ещё спит.

— Да, мой Господин? — сонно пробормотала я, отчаянно потирая глаза и пытаюсь потянуться — какой бы жёсткой ни была кровать в моей бывшей комнате, для сна она подходила больше, чем кресло.

— Расскажи о своей семье, — приказал он, и я мгновенно растеряла остатки сна. Он всё-таки что-то подозревает? Или даже знает точно, но зачем-то играет со мной в поддавки? Может, это как с заговорщиками? Ждёт, пока я выдам кого-то ещё, но мне некого выдавать, потому что я в целом мире совершенно одна.

— У меня нет семьи, мой Господин, — ответила я чистую правду, бросая беглый взгляд на Ашш-Ольгара и тут же опуская глаза в пол. Как-то неловко смотреть на полууголого Императора, и встречаться с ним взглядом — тоже.

Он полулежит на кровати, закинув руки за голову, и совершенно бесстыже меня рассматривает. Из одежды на нём одеяло — хвала Небесам! — и маска. Даже отведя глаза, я чувствую его взгляд всей кожей, и мне жуть как хочется спрятаться за кресло.

— Совсем никого? — зевая, спрашивает Император, и я невольно снова бросаю на него взгляд, тут же заливаясь краской. Нет, я понимаю, что он у себя в спальне и я вроде как любовница, но всё же расхаживать совсем без одежды как-то чересчур! Лучше бы маску

снял. — Нет и не было?

— Увы, мой Господин, — уйду от ответа, не решаясь соврать напрямую.

— А как успехи по делу? — пройдя мимо меня, он скрывается в комнате с ванной, вернее, с целым бассейном, и я вынуждена встать и пойти за ним с докладом. Вот ведь...

Там я рассматриваю пол. И потолок. И немножко стены. И готова поклясться — это очень его веселит. Но зато мне разрешено съездить к этой самой Катарине, и вообще разрешено покидать покои, сразу после совместного появления на завтраке. Жаль только, приказано возвращаться.

ГЛАВА 8. Четыре с половиной вальса

Завтрак проходил в тёплой дружеской обстановке, которую сложно было назвать иначе, чем террариумом. Не будучи знакомой с большинством присутствующих придворных и не имея особенных симпатий, я сидела слева от Императора и переживала самый настоящий шок от того количества изысканного яда, который присутствующие сжегивали друг на друга. А уж как доставалось отсутствующим... Неужели они сами не видят, насколько дёшево и отвратительно это выглядит? Или же видят, но Ашш-Ольгар поощряет их делать это? Я аккуратно скосила глаза на своего соседа и Господина. Кажется, он вообще мыслями где-то не здесь и просто-напросто не слышит их. Но мой взгляд заметил каким-то образом и вот уже вопросительно смотрит на меня, и мне даже кажется в какой-то момент, что он среди всех присутствующих самый нормальный и адекватный, но тут кто-то произносит «казнь», и я возвращаюсь к реальности. Рядом со мной сидит чудовище, погубившее не одну сотню, а то и тысячу человек, и не собирающееся на этом останавливаться.

Речь пошла о недавних заговорщиках во главе с дель Нарго.

— Когда Вы их казните, мой Император? — спрашивает какой-то молодой человек, по нему видно, что в ответе он сильно заинтересован, но мне не ясно, в какую сторону. — Вы казните всех?

— Не всех, — снисходительно отзывается Ашш-Ольгар. Это целое искусство говорить с такой интонацией, чтобы твой собеседник чувствовал себя ничтожеством, но понять не мог почему, и Император владеет им в совершенстве. — Тех, кто не смог доказать, что живым будет полезнее.

— Но они же предатели, мой Император! Должны понести наказание в назидание другим! — почему-то начинает горячиться молодой человек, и я чувствую к нему неприязнь, которая тут же разрастается в шок и отвращение, когда Он, чуть прищурившись, перебивает:

— А Вы, если не ошибаюсь, как раз жених дочери дель Нарго?

— Да, мой Господин! — ничуть не смущается молодой человек и с жаром продолжает. — Но я не позволяю личным мотивам повлиять на мою верность Вам!

— Пожалуй, Вы правы, — медленно роняет Ашш-Ольгар, и я невольно хватаю его за руку, желая остановить — неужели из-за какого-то фанатичного придурка Он казнит всех без разбора? Тут же спохватываюсь и отпускаю, тем более что Император продолжает. — Я запрещаю Вам жениться на дель Нарго. Ика, ты закончила?

Вздвогнув от того, что он при всех ко мне обратился, ещё и вроде как обозначил, что только меня и ждёт, я поспешно отрапортовала, что да, мой Господин, закончила. И испытала громадное облегчение, когда Он предложил мне руку, и мы направились к выходу. Надеюсь, завтраки можно пропускать? Я лучше голодной буду ходить, честное слово!

День я потратила на поездку к Катарине саф Бертрин, но, увы, безрезультатно — она была в отъезде до следующей недели, как минимум. А вечером был бал. И, когда я вернулась, меня ожидали платье и аксессуары, среди которых была и маска. Я даже немного про себя похихикала, что маска — это заразно, с кем поведёшься... Но оказалось, что все гости в масках. Как дань уважения имениннице, лицо которой обезображено ожогом в результате несчастного случая в день её пятнадцатилетия. Это мне рассказал Ашш-Ольгар, пока мы ехали в экипаже до особняка дес Аблес. Со мной творилось что-то невыразимое и едва выносимое, надеюсь, что Император списывает моё волнение на боязнь высшего общества, потому что не заметить его он, конечно же, не может. Мысль, что я окажусь в родном доме и увижу тётю, просто сводила меня с ума, заставляя то дрожать от радости, то закусывать губу и чуть не плакать от обиды. Мне очень хотелось спросить у тётки «почему?!», но, возможно, Император только этого и ждёт. Так что я не подам и виду, что узнала тётю Эльзу или кого бы то ни было ещё.

Некоторой нервозности ещё добавляло платье — шикарное, шуршащее и открытое. На контрасте с почти наглухо закрытой формой, ну, если не расшнуровывать что не надо, я казалась себе чуть ли не голой, очень остро чувствуя каждый взгляд, устремлённый на мои обнажённые плечи.

Мы приехали как раз после первого танца, и нас, судя по всему, не ждали. Вероятно, это уже традиция у Ашш-Ольгара — раз в пять лет заявляться на день рождения Аники дес Аблес и наводить там шороху... И если вспомнить, что тогда Он был один, а теперь привёл меня, приходится признать, что, как минимум, он что-то подозревает. А может, даже знает точно, и куда больше, чем я. И обещанное «мы поговорим, вот только сходим на бал» приобретает сильно угрожающий оттенок, настолько, что я даже начинаю снова подумывать трусливо сбежать в середине бала, и не только из дворца, но и вообще из страны.

Тётю я узнала сразу, она почти не изменилась, но дело даже не в этом — кто, кроме хозяйки дома, мог выйти встречать? Я чётко отметила момент, когда она скользнула по мне взглядом... и никак не отреагировала. Либо не узнала, что довольно-таки сомнительно, но всё же пока не будем совсем отбрасывать этот вариант, либо она ожидала, что я приду с Ним. А вот и Аника... кажется, она чуть ниже меня, буквально на пару сантиметров, хотя, возможно, всё дело в высоте каблука, волосы очень похожи, у меня были бы такие, не обрежь я их тогда, глаза... сложно сказать. Она смотрит в пол — как же непривычно мне видеть склонившихся в поклоне людей с этого ракурса — сверху, и всё, что я могу сказать — её декольте куда бесстыднее моего, а формы — немного пышнее.

— Ика, — говорит тем временем Император, — это Эльза дес Аблес и её племянница Аника дес Аблес, наследница силы рода и, возможно, обладательница уникального дара. — И пока я бормочу севшим от волнения и неожиданности голосом, что мне очень приятно, он обращается уже к тётке. — Дар так и не проявился?

— Увы, мой Император, — покаянно отзывается тётя, и мне мерещатся в её голосе нотки вины. — Вероятно, потрясение, испытанное тогда, оказалось слишком сильным. Девочке с трудом даются даже самые обычные заклинания...

Я чувствовала себя обворованной. Самозванке, занявшей моё место, с трудом даются обычные заклинания, а мне они не даются вообще! И не дадутся никогда! И хочется верить, что тётя хотела меня от чего-то спасти, хотела как лучше, но почему же она ничего не объяснила?! А с другой стороны — если допустить на секунду мысль, что она хотела от меня избавиться, почему не довела дело до конца? Почему не убила?

И хочется, невыносимо хочется сделать шаг вперёд, взять её за руку и спросить: «Тётя Эльза, как же так?! Ведь это я, я — Аника! Как Вы можете... как?! Зачем? За что?!». Но я стою неподвижно, разве что, наверное, излишне вцепившись в локоть Императора, как в единственную опору, и понимаю, что не сбегу. Я хочу услышать, что мне скажет Ашш-Ольгар после этого бала. И могу только надеяться, что он не отправит меня на костёр без права оплакивания сразу после этого. Хотя... меня всё равно оплакивать некому.

Несмотря на то, что первый танец, на который Император должен был бы повести Анику, как самый знатный гость, уже прошёл, Он всё равно ведёт её танцевать, а я остаюсь совершенно растерянная, и, как ни парадоксально, продолжаю чувствовать, что эта лже-Аника меня обкрадывает даже в этом. Это мой день рождения! И Он пришёл со мной, и танцевать, полагаю, должен со мной, хоть мне это и не нравится! А так мне не нравится тоже — получается, что он оставил меня на глазах у всех и, что куда важнее, оставил с тётёй, которая даже теперь не подаёт и виду, что мы хоть как-то знакомы.

— У Вас чудесное платье, Ика, — говорит она дежурную фразу, и я еле сдерживаюсь, чтобы не прибавить к стандартному «Благодарю, у Вас тоже» ещё «Это моё первое платье за пять лет, тётя Эльза!».

Кажется, она хочет сказать что-то ещё, что-то такое же безликое и ни к чему не обязывающее, и я боюсь, что не выдержу и всё-таки выскажу в ответ что-нибудь этакое, но меня неожиданно приглашают на танец. Я чуть теряюсь, но так как должностную инструкцию официальной любовницы Императора мне никто не показывал и, вроде бы, танцевать не запрещал, соглашаюсь. Да и кто сказал, что Ашш-Ольгар вообще будет танцевать со мной? Предполагается, что он и так делает со мной всё, что его тёмной душе угодно, как за закрытыми дверьми спальни, так и вне её, к чему ещё и танцевать на балу с собственной любовницей?

Мой партнёр ведёт уверенно и плавно и, вроде бы, довольно хорош собой, насколько позволяет судить маска, но мне всё равно как-то неуютно, и понять причину я не могу. Может быть, я просто боюсь недовольствия Императора, как ни стыдно мне это признавать, но я в принципе его боюсь. И не знаю даже чего больше — милости его или немилости. А может, дело в том, что партнёр мне кажется смутно знакомым, я когда-то знала его в прошлой жизни, может быть, танцевала с ним пять лет назад на моём единственном балу... И, словно подслушав мои мысли, он говорит:

— Вы раньше бывали здесь, Ика?

А ведь мы друг другу не представлены! И прежде чем обращаться ко мне вот так вот по имени, он должен был бы назваться, как минимум, сам. Он вообще должен был это сделать в первую же минуту танца, но я, поглощённая другими мыслями, совершенно это пропустила. А он, видимо, решил, что с простой стражницей можно не церемониться. Ну, так и я не буду.

— Мы разве знакомы? — спрашиваю чуть грубее, чем допустимо, но я же простая, невоспитанная стражница. Мне можно. И даже нужно!

— Я много о Вас наслышан, — ушёл он от ответа, и я потребовала прямо:

— Представьтесь!

— Ика, поверьте, я Вам не враг, — снова увильнул. — Я наоборот хочу Вам помочь!

Я собиралась закончить танец. Это, конечно, скандал, но репутации у меня и так уже нет, вряд ли что-нибудь может её испортить. Но стоило мне остановиться, как тут же где-то над ухом, откуда ни возьмись, рявкнул голос Ашш-Ольгара:

— Танцуй! И разговаривай!

Я вздрогнула и послушно бросилась «догонять» пропущенное движение, естественно, не догнала и выглядела, наверняка, нелепо, зато почти случайно наступила своему партнёру на ногу. А взглядом нашла самого Императора. Он вообще на другом конце зала и на меня не смотрит, но, оказывается, строго следит, чтобы ловля «на живца» шла своим ходом.

— Но как мне Вас называть? — я очень стараюсь, чтобы в моём голосе не было обречённости и злости, и поэтому, кажется, слегка перебарщиваю с кокетством.

— А как бы Вам хотелось? — подхватывает он флирт. У меня есть несколько вариантов, но что-то мне подсказывает, что Император мне за них навалает — вряд ли под «разговаривай» он имел в виду «можешь его отшить».

— Не знаю, — изображаю я смущение. Изобразить его очень легко, стоит только вспомнить, что Ашш-Ольгар следит за мной сейчас, и чёрт его знает, когда и как следил и будет следить ещё. И я ведь ничего не чувствую и не ощущаю!

Танец близится к концу, и мой партнёр переходит на серьёзный тон:

— Приходите через три танца к малой Оранжерее. Это важно!

— Хорошо, — соглашаюсь я, чувствуя себя невероятной тварью — вдруг он и правда хочет мне как-то помочь, а я — всего лишь кукла в руках жестокого и умного — чёрт бы его побрал! — Императора. — Приду.

Новый танец — новый кавалер. Этот мне не нравится сразу, он слишком надушенный, жеманный и самовлюблённый — это видно во всём, но раз Император велел мне танцевать, я буду танцевать. Пока не прикажет остановиться. Может быть, даже получится «протанцевать» дольше, чем надо, и не прийти на назначенную встречу? Потому что если я приду, это равносильно тому, что туда придёт Император. Честнее, наверное, прямо его туда и отправить...

— А мне ничего не будет за то, что я танцую с Вами? — кокетливо спрашивает мой партнёр, излишне плотно прижимая меня к себе. — Император не разгневается?

Я секунду молчу, ожидая руководство от Его Императорского Величества, но Он, видимо, слишком занят какой-то блондинкой — кажется, как раз той, которую вчера отверг — поторопился, бывает — или же просто считает данный разговор не стоящим своего внимания.

— Будет, — говорю я. — Разгневается. Раз для Вас это важно, Вам стоило выяснить это до.

Бедный придворный дёргается, совсем как я, наверное, в прошлом танце, наступает мне на ногу — я, конечно, слышала, что всё нами сделанное к нам и возвращается, но не ожидала, что так быстро! — и продолжает танцевать, держа меня теперь уже как можно дальше. А мне слышится лёгкий смешок, но, конечно же, только слышится.

Третий танец забрал себе Император.

— Ика, — сказал он, — к Оранжерее надо сходить.

— Да, мой Господин, — невольно вздохнула я. Он истолковал мой вздох превратно.

— Тебе ничего не угрожает, ты будешь под моей защитой. Сходи, послушай.

Наверное, я наивна сверх меры, ведь вся моя школа жизни — монастырь и военное училище, но мне как-то и в голову не пришло, что на этой встрече мне может что-то угрожать.

— Благодарю, мой Господин!

А что ещё я могу сказать?

Танец заканчивается, и я обречённо иду к малой Оранжерее, для порядка спросив

дорогу у пары слуг и разок свернув не туда. Этот спектакль для Императора, но я сама уже понимаю, что совершенно бесполезный спектакль. И всё-таки играю.

Меня уже ждут, и пока, кажется, вопреки прогнозам Ашш-Ольгара мне ничего не угрожает. При моём приближении мужчина снял маску, и я машинально сделала то же самое. В конце-то концов, моё лицо — отнюдь не секрет, в отличие от некоторых.

— Итак? — говорю я, потому что молчание затянулось. И как-то уж очень самодовольно улыбается мой визави.

— Bravo! — наконец, выдаёт он. — Как Вам это удалось?

— Что именно? — обречённо спрашиваю, ощущая себя на краю пропасти.

— Аника, — укоризненно тянет он, и я, хоть и догадывалась, к чему всё шло, впадаю в панику и перебиваю:

— Вы что-то путаете!

— Нет, — усмехается он. Я и правда его раньше видела, на балу в честь пятнадцатилетия, не уверена только, что танцевала с ним, но видела точно. — Сначала, когда Вы появились во дворце, мы решили, что это просто поразительное сходство, уж больно убедительно Эльза всё разыграла... но теперь... Он не привёл бы на этот бал какую-то безродную стражницу Ику Стайер, а вот Анику дес Аблес — вполне. Но Вы ещё можете его обыграть, и я Вам помогу!

— Я не понимаю, о чём Вы, — упрямо повторяю я. Вот что бы он там ни имел в виду, я что, должна согласиться на заговор против Императора практически у него на глазах? Вообще, наверное, должна, но мне не хочется быть засланным «казачком», и кого-то подставлять тоже не хочется, и пока нет прямого приказа Ашш-Ольгара, я постараюсь как-то юлить и отнекиваться.

— Хотите, чтобы я Вам доказал, что Вы — это Вы? Извольте! — говорит тем временем мужчина. Добавляет. — Простите, способ жёсткий, но чтобы сэкономить время...

С его рук срывается молния и бьёт меня в грудь. Мне кажется, что я чувствую какое-то жжение или же наоборот холод, почему-то очень слабый, но тем не менее он есть, а лицо напавшего на меня мужчины вытягивается от удивления и, кажется, на нём даже мелькает что-то вроде паники, он, вроде бы, хочет сделать что-то ещё — то ли добить, то ли наоборот, как-то отозвать молнию, но не успевает — воздух между нами сгущается, и проявляются два полупрозрачных силуэта. Они похожи на воинов в доспехах и шлемах, а в руках у них настоящие и вполне материальные мечи. И один меч уже приставлен к горлу так и не назвавшего мне своё имя мужчины.

— Не может быть, — бормочет он. — Но как же?! Защита дома должна была сработать! Дар должен был сработать! Нет, не может быть!

Я поражена не меньше, чем он, но совсем другим. Ощупываю свою грудь, мысленно кляня почему-то Императора на все лады, но так и не найдя на себе ни раны, ни ожога, вынуждена признать: я и правда была под защитой. Но роль живца мне всё равно совершенно не нравится.

— Возвращайся! — приказывает мне Ашш-Ольгар, и я бреду обратно в зал.

И снова танцую с ним. У меня много вопросов, и не только к нему, но и к себе — какого чёрта я вернулась, а не попробовала сбежать? Хотя теперь-то поздно. Лучше спросить саму себя, какого чёрта я вообще сунулась во дворец, как могла быть настолько наивна и настолько ослеплена ненавистью, чтобы надеяться и в самом деле справиться с Ним? И дело даже не столько в его магической силе, хотя и одной её достаточно, чтобы свести мои шансы к

бесконечно малым величинам, проблема в том, что я даже на два хода вперёд не думаю, а он, кажется, думает на четыре.

— Испугалась? — спрашивает Ашш-Ольгар. Нет, участия или нежности в его голосе нет и в помине, но я всё равно отвечаю правду:

— Да, мой Господин.

Несколько тактов молчания — за сегодняшний день я навсегда возненавижу балы и танцы, я уже близка к этому, а бал и не думает заканчиваться.

— И что же настоящая Аника дес Аблес хочет на день рождения? — спрашивает Император, и я непроизвольно сжимаюсь и вздрагиваю, понимая, что вот сейчас уже точно никуда не убежать — хватка у него железная.

— Жизнь, — признаю, кусая губы. Ничего другого просто не приходит в голову.

— Чью? — спокойно уточняет опять превратно понявший меня Ашш, и, кажется, его совершенно не смущает и не беспокоит моё желание кого-то погубить. Хотя о чём это я. Это же то чудовище, которое казнило несчётное количество народа.

— Свою, мой Господин! — уточняю я и хочу добавить про семью, но не успеваю.

— Я не собираюсь тебя убивать, — перебивает меня Он. И мне малодушно становится легче. Но этого мало.

— А тётю? — спрашиваю прямо. Наверное, я должна поторговаться ещё и за неизвестную мне девушку, занявшую моё место, но я-то знаю, что терпение Императора заканчивается иногда очень быстро, а тётя мне всё же субъективно дороже. И мне очень надо с ней поговорить, пока я не сошла с ума от вопросов и предположений.

— С ней решу потом, — чуть раздражённо отзывается Ашш-Ольгар... и не отпускает меня, оставляет себе и на следующий танец.

Но этот вальс обрывается ещё до середины — в противоположном конце зала начинается какое-то суетливое столпотворение, появляются вспышки применяемых заклинаний, и Император увлекает меня туда. Перед нами мгновенно образовывается проход, и вот мы уже у причины переполоха — на некотором отдалении друг от друга два безжизненных тела, в богатых платьях и нарядных масках, и эти платья и маски кажутся мне знакомыми, а вот сами люди — не понять, потому что вся кожа в каких-то тонких красных узорах, я бы запомнила, если бы увидела...

— Что произошло? — спрашивает Ашш-Ольгар, и, опустившись на колени, двое мужчин наперебой начинают рассказывать одну и ту же историю: танцевали, ничего не предвещало, и вдруг партнёрша покрывается узорами и падает на пол, уже замертво.

Я отметила, что узоры появились потом, бросила взгляд на тела... и позорно упала в обморок. Вопросы тётю я не задам уже никогда. Как и своему двойнику.

ГЛАВА 9. Некоторые ответы и новые вопросы

Очнувшись, я ожидала обнаружить себя в одной из комнат нашего дома, или, если обморок мой затянулся, и Ашш-Ольгар был так любезен распорядиться — в какой-нибудь из комнат дворца, но никак не в спальне самого Императора, на Его кровати! Ведь моя карта Им уже разыграна, новая любовница — та блондиночка — присмотрена, так что же я тут делаю? Или, переиначим вопрос, что собирается делать Он — как раз вошедший в спальню Ашш-Ольгар.

— Ну, наконец-то, Ика Стайер в моей постели, — удовлетворённо протянул он, и я

напряглась. Но он устроился в кресле и усмехнулся, кивая мне на второе. — Жаль только, для этого потребовался обморок! Иди сюда, поговорим.

Я поспешно соскочила с кровати — после комментария, отпущенного Императором, она меня буквально-таки жгла, и устроилась в кресле, машинально расправляя юбку и мечтая переодеться в форму. Вероятно, Ашш-Ольгара посетили примерно схожие мысли:

— Платье идёт тебе куда больше, чем форма, — заметил он. И без паузы, сразу. — Хочешь вернуть себе имя?

— Я не знаю, мой Господин, — ответила чистую правду. Наверное, я должна хотеть, но это ведь означает огромный скандал, полностью уничтожающий репутацию тётки, а я пока не уверена, что могу и хочу так с ней поступить, ведь о мотивах её действий мне до сих пор ничего не известно. И потом, что я буду делать с наследием дес Аблес, будучи изгнанной и не имея ни капли родовой силы? Не говоря уже о каком-то там даре, о котором я вообще и услышала-то только нынче вечером. Случайно.

Император молчит, задумчиво рассматривая что-то в зоне моего декольте, и я чувствую в себе достаточно наглости и боли, чтобы начать задавать вопросы.

— Что убило... их? Мой Господин.

— Собственная семейная магия, — милостиво отозвался Ашш-Ольгар, заставляя меня аж податься вперёд. Это ведь невозможно. Даже такой профан в магии, как я, знает, что невозможно. Тётя была главой Семьи, не может родовая магия повернуться против главы!

— Как так? Это невозможно! — не удержавшись, всё-таки произношу вслух, и по изменившемуся взгляду Императора понимаю, что именно сделала — поставила под сомнение Его слова. Впрочем, смотрит он скорее насмешливо, нежели гневно, так что я остаюсь сидеть в кресле, но добавляю со всей почтительностью, какую только могу изобразить. — Простите, мой Господин.

— Теоретически возможно, — не соглашается со мной самый могущественный волшебник в мире, обозначив кивком, что я прощена. И спорить с ним неразумно и опасно. — Есть даже два варианта: либо это сделала сама Эльза дес Аблес, либо есть кто-то ещё из Семьи, имеющий доступ к силе, и оказавшийся сильнее.

При последних словах я побледнела — он ведь не намекает на меня? У меня нет ни грамма силы, да и смерти я никому не желала, наоборот, я хотела поговорить!

— У меня нет силы, мой Господин, — на всякий случай произношу я, стараясь, чтобы это прозвучало ровно. Потому что мне больно об этом говорить, и больно думать, и даже не думать, а просто знать — уже больно.

— Я вижу, — фыркает Ашш-Ольгар. Действительно, я что-то часто стала забывать, кто передо мной. — Рассказывай, что ты об этом помнишь.

Самые обычные слова вдруг становятся тяжёлыми и колючими, но я всё-таки выталкиваю их одно за другим, и мне даже в какой-то момент становится легче. Оказывается, мне очень давно хотелось с кем-то поделиться, но я и в страшном сне не могла представить, что буду рассказывать это Ему! Разумеется, часть, где я его ненавижу, я опустила.

— И ты в тот же день пришла в училище, — то ли вспоминает моё личное дело, то ли делает непонятно откуда вывод мой собеседник.

— Да, мой Господин.

Ашш-Ольгар любезно делает вид, что не замечает слёз на глазах своей стражницы, а может, ему и притворяться не надо — просто совершенно безразлично. На некоторое время

воцаряется молчание — я не спрашиваю, а сам он не торопится делиться своими выводами. Потом я не выдерживаю, спрашиваю ещё.

— Неужели есть ещё кто-то? Из Семьи дес Аблес?

— Даже если и есть... возможно, Эльза сама.

Проглатываю как минимум три варианта ответа, за которые можно довольно сильно поплатиться, прежде чем получается сформулировать допустимый:

— Но почему?!

Если принять на секунду, что Император прав, хотя всё во мне протестует против такой версии, то... неужели из-за меня?!

Ашш-Ольгар молчит, вероятно, удивляется моей наглости и своему долготерпению, но всё-таки отвечает.

— Ты когда-нибудь слышала о кваррне? — Я, совсем забывшись, просто мотаю головой, но он и эту дерзость прощает. Ради декольте, судя по скользнувшему туда взгляду. — Они сами называют себя Орденом добровольного единения и согласия.

Последнее название я и правда слышала, так что неуверенно киваю. Кажется, запрет этого самого Ордена — первый указ Императора после захвата нашей страны, и один из тех, что принесли ему славу самодура, тирана и чудовища. Вроде бы, он тогда казнил всех адептов данного Ордена, а потом жёстко подавил вспыхнувший из-за этого бунт, и там тоже казнил чуть ли не половину арестованных. Может, так ему и пересказать? Вдруг ему это даже польстит? Чувство юмора у Императора Ашша весьма своеобразное.

— Вы их запретили, мой Господин, — благоразумие и скромность, вот мой удел.

— Если говорить откровенно, я пытался его полностью уничтожить, — как-то грустно усмехается мужчина в кресле напротив. — Но, увы, до сих пор не преуспел.

— Почему уничтожить, мой Господин? — мне и правда интересно. Потому что я никак не могу придумать достойный мотив, чем же Орден добровольного единения и согласия насолил Императору. Может, кланялись недостаточно низко и учтиво?

— Личные счёты, — спокойно признаётся Ашш-Ольгар, и я разочарована — мне-то вдруг показалось, что я проникну в одну из Его тайн. Хотя безопаснее, конечно, держаться подальше и от тайн, и от самого Его Императорского Величества. Но я уже слишком увязла. — Так вот, Эльза, видимо, тоже была одной из них. И, если ты вдруг не в курсе, «добровольное единение» заключается в том, что ты отдаёшь часть своей воли и души, и тебе в любой момент могут приказать всё, что угодно. Один раз, по молодости, по глупости, по пьяни, как угодно, один раз ты соглашаешься, и всё. Нет никакой дороги назад. Ты можешь прожить всю жизнь мирно и думать, что избавился, что про тебя забыли, а потом пойти и вырезать всех своих соседей, с которыми дружишь двадцать лет. Или отравить питьевую воду во всём городе. Или же убить свою племянницу и саму себя.

Я растерянно молчала, кусая губы и теребя подлокотники. Ашш-Ольгар говорит, что моей тёте кто-то приказал убить лже-племянницу и саму себя, но кто и почему? А впрочем, если бы он знал кто, наверное, уже убил бы.

— Но почему именно сейчас? — отвратительно-дрожащий от слёз голос, самой противно.

— Наверное, за обман, — пожимает плечами. — Когда я говорил с ней пять лет назад, она не была с ними, в этом я уверен. Но, похоже, планировала и решила избавиться от этого тебя. Вот таким вот странным способом... — Небольшая пауза, затем хмыкает и добавляет. — Или же от меня избавиться... но способ всё равно странный.

— Но почему она мне ничего не сказала?! Не объяснила?!

Вообще-то, Император Ашш-Ольгар — совершенно не тот, у кого это стоит спрашивать, но я всё равно спрашиваю, и, что самое удивительное, он отвечает.

— Думаю, не видела в этом никакого смысла, потому что на тебе было отсроченное заклятие забвения. И если бы ты не отправилась в тот же день в училище, то всё бы и забыла, максимум через пару дней. — Короткая пауза, и тон меняется с повествовательного на требовательный. — Я ответил на кучу твоих вопросов, Аника дес Аблес, Ика Стайер. Ответь и ты на один мой.

Он вроде бы ничего не делает, но мне тут же становится тяжело дышать, словно на плечи навалилась огромная тяжесть и давит к земле, а взгляд Императора ощущается теперь физически, он пригвоздил меня к разом потерявшему своё удобство креслу и не даёт даже моргнуть, не то что отвести глаза или пошевелиться.

— Я могу тебе верить? — спрашивает он.

— Нет, — вырывается у меня быстрее, чем я успеваю хотя бы попытаться промолчать или соврать. И так еле выносимый взгляд темнеет, а сам Ашш-Ольгар словно бы подбирается, как перед прыжком.

— Хочешь меня убить? — почти весело спрашивает он, и я, чувствуя себя самой тупой и бездарной убийцей на свете, но откуда-то зная, что лгать нельзя, признаюсь:

— Иногда я думаю об этом, мой Господин.

— У тебя нет сообщников! — скорее сообщает, чем спрашивает Ашш-Ольгар.

— Нет, мой Господин, — подтверждаю я, и он начинает смеяться. Тяжесть с моих плеч тут же исчезает, и даже словно бы вокруг становится чуть светлее.

— Маленькая, наивная Ика, — говорит он, поднимаясь из кресла и делая шаг ко мне. — За что ты собралась мне мстить? — Протягивает руку, и я, словно загипнотизированная, вкладываю в неё свою и встаю. Теперь между нами слишком мало свободного пространства, и, когда я делаю вдох, наша одежда соприкасается. И я бы отошла, если бы не кресло, подпирающее сзади. — За своих братьев, которых ты толком и не знала, и которые и людьми-то уже не были? Или за глупость, устроенную твоей тётёй? Это не твоя ненависть, моя маленькая стражница, это последствия ритуала, проведённого твоей тётёй. — Он проводит ладонью по моей щеке, и я совершенно не понимаю, как реагировать. — Училище сослужило тебе как хорошую, так и плохую службу, Ика. Оно не дало исполниться заклинанию забвения, но не дало и рассеяться вложенной в тебя чужой ненависти.

Я слушаю и, кажется, верю, но всё-таки не до конца. Слишком много всего произошло, я не успеваю это переварить и уложить в голове, мне нужно время, хотя бы немного времени, побыть одной и подумать...

— Мне не хочется тебя убивать, — говорит Император, и тут я с ним полностью солидарна — мне тоже не хочется, чтобы он меня убивал. А вот по другому вопросу наши мнения категорически расходятся — левой рукой он обнимает меня за талию, а правой проводит от шеи к груди — проклятое декольте! И в том, что именно ему хочется со мной сделать, нет никаких сомнений, но этого как раз я совершенно не желаю и даже боюсь.

— Это условие, чтобы остаться в живых, мой Господин? — прямо спрашиваю я, правда, не выдерживаю, и опускаю глаза, и голос мой звучит как-то слишком звонко в окружающем нас полумраке. Император молчит и снова гладит меня по щеке, а я лихорадочно пытаюсь решить для себя: вот сейчас он скажет «да», смогу ли я? Надо хотя бы попытаться...

— Нет, конечно, — совершенно спокойно произносит Ашш-Ольгар, приподнимает моё

лицо за подбородок, медлит пару секунд и даже не целует, а просто обозначает поцелуй — лёгкое и быстрое касание, я и понять ничего не успеваю. — Закончим разговор завтра, Ика.

И уходит. Он уходит, не я! Получается, я должна остаться в Его спальне? Я со вздохом посмотрела на обманчиво комфортное кресло — теперь-то я знаю, что спать в нём — мучение. Но на кровать всё равно не пойду.

Утро начинается очень рано, Ашш-Ольгар будит меня, бросает короткое «Собирайся, поедешь со мной. Будь внизу через десять минут!» и выходит. Кажется, я опять стражница. И это хорошо. Я успеваю за девять минут и тридцать три секунды — считала, но всё равно прибегаю поздно — Император уже сидит верхом, а рядом стоит посёдланная лошадь, видимо, для меня. Медлить кажется недопустимым, так что я просто молча забираюсь в седло.

Вчерашний день ещё не полностью уложился в моей голове, осталось много вопросов. Будет ли официальное расследование, или Император уже сам всё решил и, признав тётю адепткой запрещённого Ордена, приказал всем забыть, что такая Семья как дес Аблес в принципе существовала? Что значит «и людьми-то не были» в отношении моих братьев? Как и когда он всё-таки меня узнал? И что это за уникальный дар, можно ли — а вдруг?! — его восстановить?

— Куда мы едем, мой Господин? — спрашиваю я, стараясь как-то договориться с желудком, чтобы не урчал. Я не ужинала вчера и, естественно, не успела позавтракать сегодня, а ещё и много нервничала, так что голод испытывала нешуточный.

— В имение дес Аблес, — преподносит очередной сюрприз Ашш-Ольгар. — Проверь сумку справа, там должна быть еда.

Еда действительно нашлась — прекраснейший, восхитительный бутерброд, изумительно большого размера. Сомневаюсь я что-то, что это Он лично позаботился, но на всякий случай благодарю.

То ли давая лошадям размяться, то ли позволяя мне прийти в себя и позавтракать, Император не торопится. И, похоже, никого не боится, охрану не взял, а ведь не узнать его сложно даже и со спины — снежно-белая, блестящая и переливающаяся на солнце косища равноценна огромному указателю: Ашш-Ольгар. Меня мучило любопытство, и я, поборовшись с ним некоторое время, всё же сдалась.

— Могу я спросить зачем? И будет ли расследование в связи с гибелью Эльзы дес Аблес и... Аники дес Аблес?

Окончание фразы даётся мне с особенным трудом. Но официально Аника тоже погибла, и раз я не решила вернуть себе имя — а я пока вообще ничего не решила, буду придерживаться официальной версии.

— Расследование уже начато. Нет, ты участвовать в нём не можешь, разве что дать свидетельские показания, если есть что сказать. А в Имение... граф Артуро саф Аблес уже прислал мне просьбу о вступлении в права наследования, раз основная ветвь прервалась. Уже! Представляешь?

— Ого, — невольно соглашаюсь я. Это ж надо, какая оперативность. И со стороны дальних родственников, и со стороны Императора. Интересно, он все прошения моментально читает или только те, где указано «дес Аблес»? А может, те, где просят имущество, которое он уже записал в своё?

— Вот и посмотрим, что там у вас в Имени делается... и с родственником твоим

поговорим.

— Да, мой Господин.

И всё же подозрительно — с чего это сам Император едет в Имение, вместо того, чтобы просто кого-то отправить? Видимо, дело в возможной причастности Ордена и личных счётах с ним. Уж точно он это делает не ради невезучей Ики Стайер, которая даже и любовницей ему не стала. И не станет.

Ехать нам почти два дня, и тем удивительнее, что он едет-таки сам, и вот так вот верхом, без экипажа и сопровождающих удобств... хотя в военных походах, наверное, привык и не к такому.

— Можно ещё спросить, мой Господин? — дорога длинная, и, как только лошади снова переходят на шаг, я спешу воспользоваться хорошим настроением Императора. А оно, вроде бы, действительно хорошее.

— Про дар? — откуда-то уже знает он. Видимо, я на редкость заурядна и предсказуема.

— Да, мой Господин. Я... это правда, что у меня должен был быть какой-то особенный дар? Никогда об этом не слышала... до вчерашнего вечера.

— Может, и не должен, но вероятность была высокая. Ты вообще из истории магии что-нибудь знаешь?

— Почти ничего, мой Господин... как и вообще о магии.

— Ну, то, что у каждого рода своя магия, ты ведь знаешь? И передать семейную силу кому-то чужому невозможно, а то и опасно.

Снова забывшись, я просто киваю, а когда осознаю и хочу исправиться, он уже рассказывает дальше.

— Мало кто знает, но так было не всегда. Сейчас это даже из всех книг убрали. Но очень давно каждый мог развить сам способности, любые, и сам копил и собирал силу, не было передаваемой из поколения в поколения. Но это было долго, сложно и муторно. И в какой-то момент появились маги, способные перестраивать магический узор, а то и создавать с нуля, от их клиента не требовалось больше упорных тренировок в течение многих лет, просто очень много денег и всё. Маги даже научились встраивать это плетение так, что оно стало передаваться по наследству. Разумеется, они подстраховались, и саму эту способность оставили только своим потомкам. Потом было несколько войн, и количество магов сильно снизилось. Кроме того, оказалось, что некоторые способности из-за постоянного разбавления и перемешивания крови проявляются всё реже и слабее. Если оба родителя несут в себе какую-то способность, то шансы, что она проявится у ребёнка довольно-таки высокие. Ты — потенциальный плетельщик. Единственный на данный момент.

— То есть я могла бы наплодить новых магов?

— Наплодить новых, усилить или ослабить существующих, а то и вовсе лишит силы кого-нибудь. Разумеется, при условии соответствующего обучения.

Разговор прекращается — мы снова едем рысью, теперь Ашш-Ольгар уже явно торопился — то ли хотел кого-то опередить, то ли всегда ездит в таком темпе и решил не изменять привычке. Пообедали мы за полчаса там же, где сменили лошадей, проехали ближе к вечеру небольшой город, где по моим предположениям мы должны были заночевать, и я уже стала думать, что ехать будем и ночью. Но нет. Как только стало темнеть, мы въехали в небольшой посёлок, и Он ткнул в один из домов:

— Мне нравится этот. Заночуем там.

Бросил мне повод своей лошади и решительно забарабанил в дверь. Я посмотрела на

собаку — здоровенную и страшную, но забившуюся в свою будку и тоненько оттуда скулящую, и полузавистливо-полувосхищённо вздохнула. Всё же его наглость и самоуверенность иногда просто завораживают.

Разумеется, нас пустили. Перепуганные хозяева торопливо накрывали на стол и застилали нам кровать, успевая, впрочем, бросать на Императора взгляды. Кто просто любопытно-испуганные, а кто и кокетливые — дочка хозяев, на вид лет шестнадцати. И это меня поразило. Неужели она и правда хочет его внимания? Такого внимания. На что рассчитывает? Или просто не понимает, с чем играет? Сам Ашш-Ольгар, правда, остался к взглядам совершенно равнодушен. А жаль. Ибо кровать была одна. И она была в разы меньше, чем та, в покоях Его Императорского Величества во дворце. По полу отчётливо сквозило, так что лечь туда — не вариант. И Императору не предложишь... он и так проявил неожиданную галантность, пропустив меня вперёд в спешно подтопленную баню.

Устав бессмысленно топтаться возле кровати, я всё-таки на неё села. На самый краешек, не представляя, что делать дальше. Так меня и застал Ашш-Ольгар — зевающую и в сомнениях.

— Можешь смело располагаться на всю кровать, если ты там жмёшься из-за меня, — немного насмешливо сообщил он, бросая на пол плащ. Я даже вскочила от удивления, но, конечно же, дело было не во внезапно проснувшейся галантности. — Я не сплю на чужих кроватях и подушках, — пояснил уже вытягивающийся на полу Император. — Мне и своих кошмаров хватает.

Я посмотрела на кровать — она соблазнительно пахла чистым бельём и вообще, производила приятное впечатление, и решила признать такое нарушение субординации вполне допустимым.

Вот только обращаться к нему с кровати, когда он на полу, «мой Господин» казалось странным. Но если я назову его сейчас по имени, кто знает, чем и когда мне это аукнется.

— А есть вероятность, что мой дар восстановится, мой Господин? — спрашиваю, свешиваясь с кровати.

— Сам — нет. Хочешь восстановить? — похоже, я мешаю Его Императорскому Величеству спать. По крайней мере, он уже закрыл глаза, или так кажется из-за темноты и маски.

— Хочу, мой Господин, — признаюсь я.

— Зачем тебе это? — почти сонно отзывается он, и я не могу не отметить промелькнувшую мысль о нападении — вот сейчас вполне удобный момент. Был бы. Если бы я точно решила его убить.

— Хочу что-то из себя представлять, — вырывается у меня неожиданно для себя самой, и Ашш-Ольгар открывает глаза.

— А ты думаешь, что-то из себя представляют только маги, Ика?

Нет, я так не думаю на самом деле, просто моя собственная жизнь иногда кажется мне серой и напрасной, и хочется верить, что дар мог бы это изменить. И ещё я могла бы отнимать силу у тех, кто использует её во зло, вот у него, например... кажется, я начинаю понимать, чего боялась тётя. Проснись у меня дар, я бы представляла для Него большую опасность, чем кто бы то ни было. И странно, что он просто не убил меня, не дожидаясь этого дня. Опять играет в какую-то хитрую игру?

Я молчу, и он добавляет:

— Маленькая, глупенькая Ика.

Поднимает руку и трогает прядь моих волос, вечно они вылезают из косы, теперь буду затягивать её в два раза тщательнее.

— Подумай ещё, — предлагает он, — хочешь ли ты быть оружием в чужих руках?

— Лучше оружием, чем игрушкой, мой Господин, — говорю я, хотя на самом деле не хочу быть ни тем, ни другим.

— Молодая, глупая... — вздыхает он. Добавляет уже почти мечтательно. — Красивая...

И я поспешно прячусь обратно за край кровати. Он больше ничего не говорит, так что я приказываю себе спать, но сон не идёт. Не знаю, в чём причина. То ли матрас слишком мягкий, то ли слова Ашш-Ольгара про чужие кошмары не дают мне покоя, а может, у меня за годы военного училища выработалась слишком сильная субординация, но пребывание на кровати стало почти невыносимым. Однако не ложиться же мне рядом с ним на пол? А не рядом-то и некуда, комната маленькая, и кровать стоит возле стены.

Я аккуратно выглянула — вроде, спит. Нет, Ика, не дури. Спи на кровати, что за дурость пришла тебе в голову? Вот просто закрывай глаза, размеренно дыши и спи. И неважно тебе совершенно, какое там лицо прячется под маской, любопытной Варваре сама знаешь, что оторвали... хватит туда таращиться, разбудишь ещё, он же сильный маг, если ему вон кошмары снятся, стоит на чужую кровать прилечь, наверняка, почувствует пристальный взгляд.

Я почти что договорилась сама с собой, чтобы попробовать-таки заснуть, когда на меня упал большой паук. Вернее, он не упал, он спустился на своей паутине, но как-то слишком быстро и низко, и я шарахнулась с приглушённым вскриком в сторону. В ту сторону, где кровати уже не было, зато был Император Ашш-Ольгар.

— Всё-таки решила попытаться меня убить? — спокойно поинтересовался он, наверняка, приподнимая под маской одну бровь. Я уверена, он это в совершенстве умеет, по крайней мере, тон это предполагает. Застать его врасплох и если не убить, то как-нибудь особо удачно стукнуть мне не удалось — он магией поймал меня в воздухе и, вместо того, чтобы вернуть на кровать, плавно опустил вниз. Нет, не на пол.

— Нет, мой Господин, простите, мой Господин, я пойду, мой Господин? — пробормотала я, тщетно пытаюсь сползти с распростёртого подо мной мужчины.

— А! — сказал, не торопясь меня отпускать. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и по губам его блуждала лёгкая улыбка, но я чувствовала себя словно примотанной к нему невидимыми лентами. — Вероятно, ты, как верная стражница, решила закрыть меня собой от страшного паука?

Кстати, о пауке. Я повернула голову, пытаюсь разглядеть причину своего падения, а висящий над кроватью паук отчётливо мне подмигнул и рассыпался разноцветными искорками. Иллюзия. Чёртова иллюзия, стоившая мне, наверняка, кучу нервных клеток и, боюсь, навсегда отбившая желание спать в чужих кроватях, буду теперь как Император, на полу...

— Вы?!.. — сказала я, не находя допустимых в высшем обществе слов. — Вы!..

— Мне показалось, тебе там было скучно, — ничуть не смутился Ашш-Ольгар.

— Нет, мой Господин, не было, — укоризненно говорю я.

— Ну, значит, скучно было мне, — довольно улыбается он. Видимо, уже стало значительно веселее.

Некоторое время мы молчим, я успеваю прочувствовать тепло, идущее от тела, на котором лежу, и с ужасом ощутить, что не так уж это и неприятно, хоть и непривычно —

лежать на мужчине.

— Я, — говорит Ашш-Ольгар и проводит рукой по моей спине, — уже давно, — рука скользит ниже, и я начинаю паниковать — сейчас заявит, что хочет, и что делать?! — тебя, — почти шепчет он, и вдруг заканчивает, — не держу!

Я торопливо вскакиваю, а он... он смеётся. И почему-то мне очень хочется если не убить, то хотя бы пнуть Его Императорское Величество.

— Спокойной ночи, Ика. Больше никаких пауков, обещаю, — милостиво заявляет Император, и я, подавив свои отнюдь не верноподданические эмоции, залезаю обратно на кровать, отозвавшись с максимальным почтением:

— Спокойной ночи, мой Господин.

Засыпаю, как ни странно, почти сразу, но всю ночь мне снится ужасная муть — Император, принимающий у меня теоретический зачёт по позам, о которых мне рассказывала Лайза. И зачёт я так и не сдаю.

ГЛАВА 10. Скелеты в шкафах благородного рода Аблес

— А Вы и правда рассматриваете возможность отдать Имение и другую собственность дес Аблес Артуро саф Аблес, мой Господин?

Чем ближе мы подъезжали к Имению, тем больше меня волновал данный вопрос. Не то чтобы я имела что-то против сколько-то-там-юродного дяди Артуро, я и не помню его, если честно, просто никак не могла перестать считать себя принадлежащей роду Аблес.

— Он пишет, что последние три года полностью управлял Имением. Если он управлял им хорошо, то да, отдам, — невозмутимо отзывается Господин, словно и не догадывается, что это имеет для меня хоть какое-то значение. Или, вернее, ему всё равно.

Я старательно молчу, раз так, но он поворачивается ко мне и награждает немного ироничным взглядом:

— Ты — не дес Аблес, забыла?

Мне очень хочется сказать про справедливость, вернее, про её отсутствие, однако ж говорю я лишь:

— Я помню, мой Господин.

Кажется, это звучит обиженно, потому что Ашш-Ольгар снова спрашивает:

— Ты хочешь, чтобы я просто так отдал одно из крупнейших имений безродной Ике Стайер? Или это и есть твоё условие?

— Нет и нет, мой Господин. А если Артуро саф Аблес не очень хорошо управляет Имением?

— Заберу, — пожимает плечами Император.

— Вот как создаются, оказывается, империи, — тихо-тихо бормочу я, но, судя по смешку, услышал и за наглость простил.

В моей голове совершеннейший раздрай, я никак не могу совместить то чудовище, которое истово ненавидела пять лет, и этого человека, с его странными шуточками и странными же принципами. Если бы мне кто-то сказал ещё пару месяцев назад, что безродная стражница может отказать Императору, и ей за это ничего не будет, я бы рассмеялась говорившему в лицо, не постеснявшись назвать его либо идиотом, либо лжецом. А вот теперь даже не знаю, что и думать. Может, скоро ему надоест эта игра, и он покажет, наконец, своё истинное лицо? В переносном смысле, разумеется.

Когда мы въезжаем в первую из деревень, относящихся уже к Имению дес Аблес, всё идёт как обычно — глазают издалека, кто с ужасом, кто с любопытством, оказавшиеся поблизости падают на колени, и, кажется, всё у местных жителей нормально, и далёкий дядя Артуро имеет все шансы получить Имение. Никак не могу понять только, почему это меня так злит. Это ведь хорошо, что всем хорошо. А мне всё равно ничего не светит, если только не лягу под Императора, да и в этом случае тоже не факт...

Мы уже почти покидаем деревню, когда нам наперерез бросается молодая девушка, она падает на колени прямо перед лошадьё Ашш-Ольгара, и я успеваю испугаться, что попадёт под копыта, но как-то обходится. Девушка явно хочет что-то сказать, но её душат рыдания, и я сама не замечаю, как соскальзываю со своей лошади и бросаюсь к бедняжке. Телохраниль из меня совершенно никудашный, но Его Императорское Величество, кажется, на такую мою роль и не рассчитывает.

— Что случилось? — пытаюсь узнать у просительницы, но она не видит и не слышит меня, взгляд её широко распахнутых глаз устремлён на Императора, и с ним она говорит.

— Пожалуйста, возьмите меня! Вместо Кайлина, возьмите меня!

— Я не знаю, кто такой Кайлин, но что заставляет тебя думать, что ты подойдёшь мне лучше? — насмешливо спрашивает Ашш-Ольшар, и меня это неприятно отрезвляет. Смотри, Ика, вот он настоящий. У кого-то горе, а ему весело. Император тем временем приказывает. — Вставай.

Девушка поднимается, не сводя с него взгляда, а я топчусь рядом и чувствую себя совершенно не при делах. Я не могу ей помочь, ведь она даже не разговаривает со мной. Или же наоборот — она не разговаривает со мной, потому что я ей помочь не могу...

— Пожалуйста, — всхлипывает девушка, — я сделаю всё, что Вы хотите! Я... я на всё готова! Не забирайте его!

Вокруг нас уже собралась толпа опасливо жмущихся друг к другу жителей, на девушку они глядят кто с сочувствием, кто с осуждением, но все с каким-то жадным любопытством. Мне становится очень её жаль — ей ведь ещё жить как-то среди этих людей, она и так нарушила все правила приличия и предложила себя Императору, почти прямым текстом, а если он сейчас ещё и высмеет её... и я невольно устремляю на своего почти всемогущего спутника умоляюще-укоризненный взгляд. Он словно чувствует, и вопросительно смотрит в ответ:

— Пожалуйста, не здесь! — одними губами прошу я, но он понимает и, как ни странно, соглашается. Подхватывает девушку к себе в седло, я поспешно забираюсь на свою лошадь и устремляюсь следом.

Деревня, наконец, позади, девушка цепляется за рубашку Императора и, кажется, уже основательно вымочила её слезами и соплями, Ашш-Ольгар чуть заметно кривится, убирает косу подальше и спрашивает без особого сочувствия, даже немного с раздражением:

— Ну?

— Кайлин вытянул жребий, — поясняет несчастная девушка, пытаюсь заглянуть ему в глаза. Но ничего у неё не выйдет, потому что смотрит он на меня. Не знаю, чего смотрит.

— Какой жребий? — на всякий случай уточняю я, пока терпение Императора не закончилось, и он не ссадил нас обеих где-нибудь тут в лесу.

— Летний, солнцестояния, — ещё больше запутывает всё моя нежданная протееже.

— Начни, пожалуйста, сначала, — обречённо прошу я без особой надежды, но девушка всё же пытается.

Кайлин — её жених из той деревни, а сама она из соседней, тоже входящей во владения дес Аблес. Познакомились они пару лет назад и по осени должны пожениться. Он уже и выкуп за неё собрал, и родители между собой почти сговорились, вот послезавтра он должен был бы прийти и по всем традициям окончательно застолбить за собой невесту, но... — тут девушка опять разрыдалась.

Сегодня утром она разложила карты. Хорошие, проверенные, и в самом деле магические никогда-не-обманывающие карты, доставшиеся ещё от прабабки, уж очень хотелось увидеть, что ждёт их счастливое совместное будущее, что Кайлин не передумает, не отступится, а то на него ж ещё и Заринка заглядывается...

Три раза раскладывала она карты и все три раза, как ни перетасовывала, как ни старалась, ложились они одинаково, предрекая, что больше они никогда не встретятся. Найка — так звали несчастную невесту, — бросилась в деревню жениха. Пока добралась, пока нашла старосту, пока выспросила...

Кайлин не должен был участвовать в жеребьёвке. Дело-то это было добровольное, участвовали обычно холостые, мечтающие уехать в столицу, а он ведь уже почти женатый был, они близки уже были, он клялся же, что женится...

Я думала, что в этом месте Ашш-Ольгар, недовольство которого я ощущала почти что физически, взорвётся, высмеет несчастную девушку, от которой, вероятно, просто сбежал жених, отчитает её без всякого сочувствия и понимания. Сочувствия в его голосе и правда не наблюдалось, но произнёс он совсем другое:

— Что за жребий-то?

— Так по Вашему указу, мой Император, — растерянно прошептала Найка. — Три года назад, который... о служебной повинности...

Это, конечно, великая дерзость — сверлить Императора вопросительно-укоризненным взглядом, словно я смею рассчитывать на пояснения с Его стороны, но мне сложно что-либо с собой поделаться. Впрочем, всё, чего я добилась — мимолётный равнодушный взгляд сквозь прорези маски.

— Пожалуйста... — снова начинает девушка, но он прикладывает палец к губам — к её губам! — призывая к молчанию. И мне вроде как должно быть радостно — кажется, Ашш-Ольгар уже наигрался с неуступчивой стражницей Икой и нашёл себе новый, куда более сговорчивый объект, а на деле почему-то не по себе — меня царапает и корбит эта фамильярность и неразборчивость, хотя чего я ждала? У него по две официальных любовницы одновременно! Очнись, Ика! Внимание Императора, конечно, в какой-то мере льстит, но без него куда спокойнее. Так что благодари небеса за такую удачу.

Дальше вплоть до Замка мы ехали молча, ну, вернее, почти молча — эти двое на одной лошади обменивались какими-то короткими фразами, но я не слышала. И не хотела слышать. Ни капельки. Найка удивительным образом успокоилась — кажется, близость к Императору внушала ей и надежду, и страх, но первого куда больше. Я же чувствовала себя усталой и немного раздражённой, и никак не могла понять причину последнего. Возможно, я просто волнуюсь из-за Имения? Вдруг там остались старые слуги, которые видели меня семь-восемь лет назад и могут узнать? А с другой стороны, если и узнают, то что? Меня уже многие узнали. И какая же я дура, что не спросила у Императора, что ему поведал тот пойманный на живца в виде меня маг. Хотя... может, и не дура — вряд ли бы Ашш-Ольгар что рассказал. Чем дальше я нахожусь рядом с ним, тем больше убеждаюсь — он ничего не делает, не подумав. Вообще ничего. Он, наверное, даже и моргает с умыслом.

Наше прибытие в Замок предсказуемо порождает переполох. Хотя бы потому, что Ашш-Ольгар и не подумал ждать, пока его опознают и опустят мост, задействовал магию, что привело к срабатыванию всех сигнальных амулетов и срочной боевой тревоге, так что встречал нас целый вооружённый отряд, который, впрочем, довольно быстро сориентировался и дружно бухнулся на колени.

— Вольно! Разойтись, — негромко приказал Император, и двор мгновенно опустел.

Я спрыгнула с лошади, невольно проследила, как Ашш-Ольгар спускает свою новую игрушку на землю — бережно и аккуратно, и почувствовала, что, пожалуй, я всё-таки готова ещё поразмыслить над его убийством. Потому что он ужасен, отвратителен и жесток. Понятно же, что девушка предложила себя от отчаяния, как можно этим пользоваться?!

Они идут к крыльцу, и я, чувствуя себя совершенно лишней, а вернее, самой обычной стражницей, то есть практически мебелью и тенью, от чего уже парадоксально быстро успела отвыкнуть, следуя за ними.

[Купить полную версию книги](#)